НОВЫЕ ТЕКСТЫ

Д.Х. Ибрагимова

Кто управляет деньгами в российских семьях?[1]

ИБРАГИМОВА Диляра Ханифовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической социологии НИУ ВШЭ (Москва, Россия).

Email: dibragimova@hse.ru

В статье на основе данных «Мониторинга финансового поведения и доверия населения финансовым институтам» (НИУ ВШЭ, 2011) анализируются способы управления финансами в российских семьях. Делается вывод об отсутствии гомогенности российских практик управления семейными финансами, хотя наиболее распространённой предстаёт система общего или частичного пула, при которой и муж, и жена имеют в равной мере доступ к финансам семьи и их управлению. Вместе с тем совместное управление финансами не обязательно означает общее главенство супругов в семье. В статье обсуждаются причины различий в восприятии сложившейся системы управления между мужчинами и женщинами, а также выделяются факторы дифференциации семей по типу управления финансами. Основными детерминантами выбора типа семейного финансового менеджмента, как показывает регрессионный анализ, выступают уровень среднедушевого дохода, пол, семейный стаж супругов, образование жены и наличие того же типа управления финансами в семье родителей респондента, причём степень влияния последнего фактора зависит от того, кто отвечает на вопрос — мужчина или женщина.

Ключевые слова: управление финансами в семьях; социология финансового поведения населения; гендерные нормы; гендерная идентичность.

Введение

С формальной точки зрения субъектом финансового поведения чаще всего является индивид: при заключении, к примеру, договора об открытии банковского вклада, предоставлении кредита, страховании услуг и т. д. финансовые действия рассматриваются как индивидуальные. Вместе с тем решения относительно финансов совершаются с учётом возможных реакций других людей (прежде всего членов домохозяйства), либо оказываются следствием соответствующего распределения домашних прав и обязанностей, либо выступают результатом множества повседневных обсуждений в семье. В связи с этим вопросы о том, как принимаются решения по поводу финансов внутри семьи, являются ли они (решения и финансы) совместными, как происходит управление деньгами в семье, каковы гендерные роли в этом процессе, видятся логичными, и для экономсоциологов с их развитой традицией исследования проблем неравенства (в том числе во внутрисемейных отношениях) было вполне естественно обратиться к их изучению.

[1] Выражаю искреннюю благодарность А.Р. Бессуднову (НИУ ВШЭ) за неоценимую помощь в проведении регрессионного анализа, в том числе расчётов, визуализации результатов и их интерпретации; А. Гусевой (Бостонский университет), О.Е. Кузиной, Е.Б. Мезенцевой, В.В. Радаеву (НИУ ВШЭ) за ценные советы и рекомендации при подготовке данной статьи.

Изучение данных вопросов представляет, на наш взгляд, интерес с нескольких позиций. Во-первых, можно предположить, что сложившийся в семьях механизм управления финансами влияет на сущность принимаемых решений по поводу денег (на решения о приобретении тех или иных товаров, об осуществлении сбережений и их конкретных формах, об обращении к различным способам заимствования — банковский кредит или частный долг — и т. д.), то есть на решения о целях расходования средств, иными словами — на потребительское и финансовое поведение домохозяйств[2]. Во-вторых, вопросы управления семейными финансами тесно связаны с проблемами распределения власти в семье, экономической зависимости и финансовой депривации одного из супругов (особенно если речь идёт не о повседневных расходах, а о сбережениях, инвестициях и кредитах[3]), при том что эта депривация может быть вызвана как экономическими причинами, так и гендерными отношениями.

В западной социологии проблемы управления семейным бюджетом и распределения финансовой власти в семье стали весьма активно разрабатываться с конца 1980-х годов, и сейчас эти исследования представляют собой одно из наиболее развитых направлений социологии финансового поведения населения, развивающееся как в теоретическом, так и в эмпирическом направлениях. Исследования же по России на эту тему практически отсутствуют; в качестве исключения можно привести лишь статью британского социолога С. Кларка [Clarke 2002], информационной базой которой являются данные опросов, проведённых в четырёх российских городах в 1998 г.

Однако с 1998 г. российское общество прошло сложный путь развития, отмеченный ростом индивидуальных доходов, увеличением их дифференциации, изменениями в структуре занятости (прежде всего женской), массовым распространением высшего образования, трансформацией демографических процессов (ростом числа разводов, распространением гражданских браков, откладыванием рождения детей на более поздний возраст и т. п.), а также появлением новых финансовых услуг и все большей включенностью населения в сферу действия финансовых институтов и т. д. Повлияли ли эти процессы на управление финансами в семьях и гендерное восприятие ролей? Иными словами, можно ли говорить о доминировании системы, когда управление финансами происходит при совместном участии обоих супругов? Если нет, то каковы основные элементы дифференциации семей по типу управления финансами? Отличаются ли практики управления финансами или же идеологическая приверженность каким-либо из таких практик в семьях, где оба супруга работают, и в тех, где муж — «кормилец» (*breadwinner*), а жена — домохозяйка? Каковы половозрастные различия в установках относительно гендерных ролей в семье и как сказывается их влияние на практики управления семейным бюджетом? Данная статья является поиском ответов на эти вопросы и представляет собой начальный этап исследования этой проблематики.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить типы управления финансами в российских семьях, оценить их распространённость, определить различия в восприятии сложившейся системы управления между мужчинами и женщинами и выявить факторы дифференциации семей по типу управления финансами.

Предлагаемая статья строится следующим образом: сначала мы представим краткий обзор теоретических подходов, посвящённых управлению семейным бюджетом; затем обратимся к анализу количественных эмпирических данных. Мы рассмотрим распределение семей по типу управления финансами, определим элементы дифференциации семей на основе анализа таблиц сопряжённости и с помощью

[2] Эмпирические исследования на американских и британских данных показывают, что, когда жёны распоряжаются домашними финансами, более высокая доля бюджета, скорее, будет потрачена на детей и коллективные нужды семьи, чем когда за это отвечают мужья. Женщины, даже управляя всеми финансами семьи, ограничивают свои личные расходы, тогда как мужчины чаще, чем женщины, склонны придерживать личные денежные средства [Blumstein, Schwartz 1985: 101; Pahl 1989: 128–131].

[3] См., например: [Kan, Laurie 2010].

регрессионных моделей выявим ключевые факторы, определяющие различия в системах управления семейными финансами. Среди таких факторов рассмотрим душевой доход на члена семьи, статус занятости супругов, их возраст, образование и стаж в браке, социально-демографический тип семьи, а также наличие того же типа управления финансами в семье родителей.

Обзор теоретических подходов

Как уже было сказано выше, в западной социологии проблемы управления семейным бюджетом и распределения финансовой власти в семье стали весьма активно разрабатываться с конца 1980-х годов, мощным толчком чему послужили исследования британских социологов Ж. Пал и К. Воглер.

Справедливости ради необходимо сказать, что работ, посвящённых исследованиям властных отношений в семье, было немало и раньше, при этом эмпирически властные отношения измерялись разнообразно — через результаты принятия решений по тем или иным вопросам, направления конфликтов или тип преобладающего разделения труда в семье [Safilios-Rothschild 1970]. Однако в целом деньги в них рассматривались в терминах получаемого дохода, и, как следствие, причины существования определённых форм властных отношений объяснялись через различные варианты ресурсной концепции[4], в соответствии с которой тот супруг, чей доход является бóльшим, то есть главный добытчик семьи, играет доминантную роль в принятии финансовых решений. Жены, имеющие оплачиваемую работу, также обладают большей властью в семье по сравнению с неработающими, причём власть положительно зависит от продолжительности работы. Поскольку в 1960-е годы тенденция увеличения женской занятости была очевидной, был сделан вывод о том, что вход женщины на рынок приведёт к росту равенства во внутрисемейных отношениях.

Возросшее в последующие годы количество исследований по проблематике внутрисемейных отношений отчасти было ответом на предположение о семье как о «беспроблемном экономическом союзе». Дж. Брайнс подчёркивает: ресурсный подход (или шире — модель экономического обмена) с формальной точки зрения гендерно нейтрален, даже несмотря на то, что исходные условия (то есть заработки) и их последствия (как то распределение домашних обязанностей, принятие финансовых решений, управление деньгами и т. д.) безусловно дифференцированы по полу [Brines 1994: 654]. С одной стороны, вследствие существующего гендерного неравенства на рынке труда — рыночные позиции женщин оказываются заведомо слабее мужских, а с другой — во внутрисемейных отношениях существуют механизмы, компенсирующие влияние ресурсного фактора.

Дело в том, что внутрисемейные отношения несут в себе огромную символическую гендерную нагрузку, которая формирует определённые взаимные ожидания в плоскости повелевания-подчинения и определяет модель взаимодействия мужа и жены, в том числе и по поводу финансов. С этой точки зрения тип управления финансами в семье и доступ супругов к денежным средствам домохозяйства могут порождаться не только соотношением приносимых в семью финансовых ресурсов, но и гендерными ролями, которые регулируют символические проявления маскулинности и феминности. Концепция гендерного дисплея (являющаяся одной из разновидностей так называемых теорий статусного восприятия) исходит из того, что брак (как институт, в рамках которого рутинизируются поведенческие проявления мужского и женского начал) не только обеспечивает условия для воспитания детей, разделения труда и т. д., но также создаёт пространство для реализации статусных притязаний, одной из важнейших характеристик которых является гендер. Таким образом, создавая брачный союз, люди вносят в него не только свои материальные ресурсы, но и некоторые социально-санкционированные договорённости о предоставлении друг другу возможности заявить и реализовать свои претензии на гендерную идентичность [Brines 1994: 654].

[4] Пионерным исследованием этого направления можно считать работу Р. Блада и Д. Вольфа [Blood, Wolf 1960].

Кроме того, не следует игнорировать культурно-исторические факторы, выражающиеся в традиции считать мужчину кормильцем семьи, и, соответственно, доллар, заработанный женщиной, оказывается не равен доллару, заработанному мужчиной. Как отмечает В. Зелизер, термин «деньги на булавки», который в Англии XVII в. означал особый, независимый доход жены, предназначенный для личного пользования, на рубеже XIX–XX в. утратил своё элитарное британское происхождение и означал теперь просто дополнительный домашний доход, заработанный жёнами, к которому относились более легкомысленно и менее серьёзно, чем к заработку мужа [Зелизер 2004: 102]. А если заработкам жены изначально приписана роль некоторой добавки к бюджету семьи, формируемому мужчиной-кормильцем, то увеличение женских трудовых доходов не прибавляет жёнам пропорционально власти во внутрисемейных отношениях [Ferree 1990]. В. Зелизер также приводит данные исследования современных американских домохозяйств, которые говорят о том, что иногда заработок жены — даже если она зарабатывает больше своего мужа — не особенно влияет на её позиции во властной структуре семьи: она по-прежнему «вверяет свою финансовую судьбу в его руки, предоставляя ему полный контроль над их деньгами» [Зелизер 2004: 109]. Более того, юридически закреплённое право равной собственности на ресурсы, приобретённые в браке, зачастую не реализуется на практике (даже в тех случаях, когда муж не контролирует расходы жены), поскольку женщины не чувствуют себя вправе тратить «не свои» деньги. Таким образом, господствующая идеология, рассматривающая мужа как «кормильца» семьи, приводит к асимметричности семейных властных отношений [Burgoyne 1990].

Акцентируя внимание на вышеуказанных аспектах, большинство этих исследований базируются на относительно малых выборках, не позволяющих провести корректный статистический анализ с целью выявления структуры и факторов семейных взаимоотношений, рассматриваемых в триаде «деньги — власть — неравенство».

Исследования Ж. Пал и К. Воглер, чья библиография по интересующей проблеме насчитывает около трёх десятков работ, включая монографии, основываются на различных данных (полученных и из небольшого количества интервью, и из массовых опросов британских семей[5]) и представляют собой целую систему глубокого изучения различных аспектов финансового управления в семье.

Исследования Ж. Пал и К. Воглер по проблемам управления финансами в семье

Начальной точкой нашего обзора этих исследований будет являться предложенная Ж. Пал классификация типов управления финансами в семье, включающая системы женского и (или) мужского полного управления (*female/male whole wage*), фиксированного бюджета на ведение домашнего хозяйства (*housekeeping allowance system*), независимого управления (*independent management*) и частичного и (или) общего пула (*shared management (partial pool)/pooling system*) [Pahl 1983: 245–249]. Система женского и (или) мужского полного управления подразумевает, что один из партнёров передаёт весь заработок (за исключением карманных расходов) другому, который и берет на себя полное управление финансами домохозяйства; при этом в случае мужского управления жена может вообще не иметь денег на личные нужды. Система фиксированного бюджета на ведение домашнего хозяйства предполагает разделение ответственности при формировании и реализации бюджета семьи. Один из супругов передаёт другому (обычно муж жене) фиксированную сумму на расходы по ведению домашнего хозяйства, а остаток средств остаётся под его контролем, и он самостоятельно оплачивает другие расходы. Эта система имеет различные варианты, различающиеся масштабом и сферами ответственности. Главной характеристикой системы частичного и (или) общего пула является то, что оба партнёра имеют в равной мере доступ к финансам семьи и их управлению; при этом не проводится разделения финансовой

[5] Первые исследования базируются на опросе 102 семейных пар (1982–1984 годы), затем используются данные опросов 1211 британских семей (Social Change and Economic Life Initiative — SCELI, 1986), подробнее см.: [Pahl 1989; Vogler, Pahl 1993; Vogler, Pahl 1994].

ответственности между супругами. Партнёры, как отмечает Ж. Пал, могут иметь вне пула личные деньги на свои персональные нужды, а когда сумма этих личных денег становится существенной, система начинает приобретать черты независимого типа управления финансами семьи, при котором оба супруга имеют независимые источники доходов и никто из них не имеет права на все деньги домохозяйства [Pahl 1983: 249].

Впоследствии эта классификация была скорректирована на основе эмпирических исследований Ж. Пал и К. Воглер. Было сделано предположение, что, возможно, в вопросе о самоидентификации типа своей системы управления финансами 50% британских городских семей[6], выбравших систему общего пула, на самом деле лишь засвидетельствовали идейную приверженность принципу равенства прав и обязанностей мужа и жены. Поэтому были предложены дополнительные, раздельно задаваемые супругам вопросы о том, кто контролирует семейные финансы и имеет право окончательного решения по организации семейных финансов и оплате счётов [Vogler, Pahl 1993: 76; Vogler, Pahl 1994: 271]. Был сделан вывод, что семьи, которые выбрали пул в качестве наиболее подходящей системы управления финансами семьи, реально использовали три различные практики пула, отличающиеся тем, кто осуществляет контроль и управление семейными финансами. Семьи, в которых ответственность за конечные решения и оплату счётов возлагалась на мужчину, были отнесены к пулу управляемых мужчиной (*male-managed pool*); семьи, в которых один из партнёров или оба считают, что в их паре именно жена ответственна за принятие окончательных решений по финансовым вопросам, — к женскому пулу (*female-managed pool*); термин «совместный пул» (*joint pool*) применялся к тем семьям, где оба супруга были согласны с тем, что они обладают равной властью и ответственностью в принятии решений относительно их совместного бюджета [Vogler, Pahl 1993: 76; Vogler, Pahl 1994: 271].

Продолжая исследования на тему управления семейными финансами, Ж. Пал и К. Воглер изучают влияние различных факторов на выбор того или иного типа и рассматривают в этом качестве доход, занятость, образование супругов, их социально-профессиональный статус, установки относительно семьи, брака и гендерного распределения ролей, опыт социализации в родительской семье и т. д. [Vogler, Pahl 1993]; регион проживания и особенности местного рынка труда [Vogler, Pahl 1994]); влияние типа управления семейным бюджетом на принимаемые решения [Pahl 1995]. Кроме того, они уточняют понятие «власть» и развивают применительно к семье концепцию трёхуровневого измерения власти, предложенную Льюксом (см.: [Vogler 1998]). Расширяя рамки своих исследований, обращаются к изучению практик управления финансами в семьях, связанных гражданским, а не официальным браком [Vogler 2005; Vogler, Brockmann, Wiggins 2008]; анализируют современные изменения, которые происходят в сфере гендерного распределения ролей, приводя доказательства того, что в последние годы действительно несколько пошатнулось представление о мужчине как об основном кормильце семьи [Vogler, Brockmann, Wiggins 2006], а это соответственно приводит к трансформации практик управления семейными финансами и власти в семье и к различной, порой парадоксальной, степени удовлетворённости ими [Vogler, Lyonette, Wiggins 2008]. На основе анализа глубинных интервью и массовых опросов британских домохозяйств исследователи изучают влияние рождения детей на систему независимого управления семейными финансами [Pahl 2005] и анализируют практики использования кредитных карт и их влияние на доступ каждого из супругов к финансам семьи [Pahl 2008].

Мы не будем останавливаться на подробном анализе результатов этих исследований, поскольку не раз ещё будем к ним обращаться в соответствии с логикой дальнейших рассуждений. Однако необходимо подчеркнуть, что эти работы основаны на эмпирических западных (большей частью британских) данных. Нас же особенно интересуют российские данные, поэтому остановимся подробнее на уже упоминавшемся исследовании С. Кларка [Clarke 2002], являющемся единственным напрямую относящимся к занимающей нас проблематике.

[6] Обследование 1211 британских семей (Social Change and Economic Life Initiative — SCELI, 1986) в шести городских поселениях — Кирколди (Kirkcaldy), Ковентри (Coventry), Нортхемптон (Northampton), Рочдейл (Rochdale), Суиндон (Swindon), Эбердин (Aberdeen).

Управление финансами в российских домохозяйствах: исследование С. Кларка

Специфика России, привлекающая дополнительный интерес к ней, как к объекту исследования на предмет управления семейными финансами, заключается, по мнению С. Кларка, в следующем:

— для российских семей со времён Советского Союза свойственна модель, в которой оба супруга работают. Действительно, традиция массовой женской занятости имеет в России более длительную историю, нежели в развитых странах Европы и США, где на протяжении многих, в том числе и послевоенных, десятилетий доминировала модель домохозяйства, представленная работающим мужчиной и неработающей женщиной с детьми, что позволяло свести решения в домохозяйствах к мнению кормильца (главы) семьи, как это предлагал, например, Г. Беккер [Becker 1991];

— зародившаяся в западных странах тенденция «возвращения» женщины в семью наблюдается в начале 1990-х годов и в России, чему способствовало сжатие рынка труда в результате проводимых социально-экономических реформ. Многим семьям пришлось перейти на модель семьи, в которой работает только один из супругов (как правило, это мужчина). В результате общественное мнение относительно того, что женщина обязана работать, несколько пошатнулось, и у женщин появился выбор: выходить на работу или стать домохозяйкой. Второй вариант особенно был распространён в случае, если супруг зарабатывал много, а заработки женщины были существенно ниже;

— С. Кларк отмечает сосуществование двух идеологий в российском обществе: с одной стороны, провозглашение равенства полов во всех сферах, истоки чего относятся к советскому периоду; с другой стороны, отражение патриархальных установок относительно гендерного распределения ролей. И потому весьма любопытно посмотреть, какая из этих конфликтующих идеологий превалирует в сфере управления семейным бюджетом.

В дополнение к указанным С. Кларком специфическим российским характеристикам можно добавить и сохраняющуюся значительную долю многопоколенных домашних хозяйств[7], а также уровень образования современных российских женщин, который в последнее время уже превышает уровень образования мужчин[8], что влияет на формирование источников доходов супругов и цены их времени.

Информационной базой исследования С. Кларка являются данные опроса 4023 домохозяйств в четырёх городах (Самара, Кемерово, Сыктывкар и Люберцы), проведённого в апреле — мае 1998 г. Согласно эмпирическим данным, более чем 80% глав домохозяйств выбрали в качестве используемой систему общего (или частичного) пула; при этом автор на основе анализа ответов каждого из супругов о доле индивидуальных доходов, передаваемых в общий бюджет или расходуемых на коллективные нужды, приходит к выводу о высокой согласованности ответов глав домохозяйств, самоидентифицирующих систему управления финансами, и их партнёров относительно количественного распределения дохо-

[7] Доля сложных многопоколенных домохозяйств в России составляет почти 30% от домохозяйств, состоящих из двух и более человек (в 1989 г. доля таких домохозяйств составляла 20%). Эксперты связывают эту тенденцию с дороговизной жилья, что не позволяет молодым семьям отделиться от родителей. Кроме того, одним из факторов эксперты считают начавшийся в середине 1990-х годов процесс присоединения беженцев и вынужденных переселенцев к семьям своих родственников (URL: http://www.spravedlivo-online.ru/content/news/SER1.php?news=23143).

[8] По данным Всероссийской переписи населения РФ 2002 г., на 1000 чел. соответствующего пола среднее профессиональное образование имели 289 женщин и 250 мужчин, неполное высшее — по 31 чел., высшее образование — 152 мужчины и 161 женщина (URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=15).

дов. Такая высокая доля домохозяйств, где наблюдается совместное управление бюджетом[9], может быть вызвана, на наш взгляд, следующими причинами:

— отражение нормативных и социально одобряемых установок о совместном управлении семейными финансами и распределении власти в семье, вследствие чего приверженность эгалитарным моделям управления может быть лишь декларативной: провозглашаемый супругами принцип о том, что «в семье все делается сообща», в реальности может оборачиваться мужским или женским управлением;

— смещение ответов респондентов на вопрос о доле доходов, передаваемых в общий пул, вызванное формулировкой об относительных размерах этих доходов, а не абсолютных: каждому члену домохозяйства предлагалось указать не сумму в рублях, а долю своего индивидуального дохода (в %), который он (она) (a) передаёт в общесемейный бюджет, (b) тратит на общие расходы, (c) тратит на себя;

— специфика выборки (опрос проводился только в четырёх городах) и сама организация: опрашивались не только супруги, но все члены домохозяйства, поэтому вопрос, задаваемый главе домохозяйства о том, как формируется бюджет, предусматривал закрытия, подразумевающие участие других членов, а не только супруги(а)[10].

Кроме того, на основе анализа опросных данных семей четырёх российских городов не удалось обнаружить значимую взаимосвязь между уровнями доходов, занятости, образования супругов и типом управления финансами в семье[11], исходя из этого делается обратный для британской ситуации вывод о культурной укоренённости российских практик совместного управления семейными финансами даже при одном работающем супруге [Clarke 2002: 552]. Вместе с тем выявлено наличие статистически значимой взаимосвязи между демографической структурой домохозяйства и типом управления финансами в российских семьях: чем больше взрослых людей в домохозяйстве, тем выше была вероятность того, что все они будут отдавать в общий бюджет лишь часть своего дохода, а остальное оставлять себе. В случае же нуклеарной семьи, состоящей из семейной пары с детьми, вероятность раздельного бюджета была ниже [Clarke 2002: 543]. Общий вывод С. Кларка о большей по сравнению с западными домохозяйствами гомогенности российских домохозяйств в плане управления семейными финансами выглядит внутренне логичным, однако требует дополнительного обоснования и проверки на свежих данных, полученных по выборкам, репрезентативным для России в целом.

---

[9] К примеру, по данным Британского панельного обследования домохозяйств (British Household Panel Survey — BHPS, 1995 г.), $N = 5500$, совместное управление бюджетом наблюдалось в 51% домохозяйств [Laurie, Gershuny 2000: 58–59].

[10] Вопрос формулировался следующим образом: How is your household budget formed? — Как формируется бюджет Вашего домохозяйства? (1) All the income is put into a common pot. — Все доходы складываются в «общий котёл»; (2) Every puts part of their income into a common pot, but keeps some for themselves. — Каждый член домохозяйства вкладывает часть своих доходов в «общий котёл», оставляя некоторую часть денег на личные расходы; (3) Some members of the household put money into a common pot, others spend their money independently. — Некоторые члены домохозяйства кладут деньги в «общий котёл», другие члены домохозяйства распоряжаются своими деньгами самостоятельно; (4) Everybody gives their money to one member of the household. — Все члены домохозяйства передают свои деньги кому-либо одному из членов домохозяйства; (5) Everybody gives some money to one member of the household and keeps some for themselves. — Все члены домохозяйства передают часть своих денег кому-либо одному из членов домохозяйства, а другую часть оставляют себе для личных расходов; (6) Everybody spends their income independently. — Все члены домохозяйства распоряжаются своими доходами независимо друг от друга. [Clarke 2002: 542].

[11] Хотя исследования на британских эмпирических данных показывают значимость влияния этих переменных [Vogler, Pahl 1993].

Информационно-методологическая база исследования

Информационной базой исследования являются данные третьей волны «Мониторинга финансового поведения и доверия населения финансовым институтам» НИУ ВШЭ (октябрь — ноябрь 2011 г.). Дизайн выборки обеспечивает общероссийскую репрезентативность взрослого населения (старше 18 лет) РФ по полу, возрасту, образованию, типу населённого пункта и федеральным округам. Суммарный объём выборочной совокупности — 1600 чел.; число субъектов РФ, в которых реализуется выборка, — не менее 40; число населённых пунктов (административно-территориальных единиц — АТЕ) — не менее 150; число респондентов в одном населённом пункте (АТЕ) — не менее 5 чел.; погрешность выборки — 3,4%.

Единица наблюдения в нашем обследовании — индивид. Поскольку данное обследование не является специализированным обследованием семейных потребительских финансов, в нем отсутствуют, к примеру, подробные сведения о расходах домохозяйства, о вкладе того или иного источника индивидуальных и (или) семейных доходов в общий доход домохозяйства, однако существует возможность изучения в определённом объёме социально-демографической структуры домохозяйства, в котором проживает респондент, выделения соответствующих типов, а также статуса занятости и образования проживающих совместно супругов.

Вопросы анкеты об управлении финансами в семье адресованы в обследовании только совместно проживающим супругам (состоящим в зарегистрированном или незарегистрированном браке), точнее, одному из них, что, безусловно, порождает определённые смещения (о них подробнее будет сказано позже). Таких респондентов, представляющих полные семьи, в выборке 985 чел. Как видно из таблицы П1, основные различия связаны с меньшим количеством в подвыборке представителей молодых (от 18 до 25 лет) и старших (старше 65 лет) возрастов, с большей в сравнении с общевыборочной совокупностью долей семей с детьми до 18 лет (43,5%), а также занятых на рынке труда в настоящий момент среди как мужчин, так и женщин.

Управление семейными финансами может различаться в зависимости от возраста и количества членов домохозяйства, поэтому одной из методологических задач нашего исследования являлось создание социально-демографической типологии семей. В основу типологии были положены следующие характеристики: наличие супружеского ядра (состоит ли респондент в официальном или гражданском браке); количество членов домохозяйства; количество детей до 18 лет и наличие других взрослых членов домохозяйства. Отдельным образом учитывался возраст супругов. К детям относились члены домохозяйства по возрасту (младше 18 лет), но не по форме родства с респондентом или его партнёром (то есть форма родства могла быть разной — внуки, племянники, другие родственники и даже не родственники; важно, что они проживают в данном домохозяйстве). К *другим* взрослым членам домохозяйства относились все лица старше 18 лет, проживающие на одной территории, кроме респондента, партнёра и их детей.

В итоге были выделены пять социально-демографических типов домохозяйств (см. табл. 1).

Типы 1–3 описывают полные нуклеарные семьи, состоящие из супружеского ядра и детей (семьи 2-го и 3-го типов) или без них (семьи 1-го типа). Тип 1 (34,4% в подвыборке) включает как молодые семьи, ещё не успевшие обзавестись детьми, так и семьи, состоящие из супругов, чьи дети уже покинули родительский дом. Тип 2 представляет собой семьи, состоящие из супругов и их уже выросших, но (ещё) не покинувших родительский дом детей (17,3%). Тип 3 объединяет типичные нуклеарные, большей частью молодые, семьи (средний возраст супругов в этом типе совпадает с медианой и равен 35 годам, при этом стандартное отклонение минимально), в которых проживают супруги, как правило, со своими малолетними детьми. Таковых в подвыборке 34,8%.

Типы 4–5 представляют собой многопоколенческие семьи, в которых супружеская пара проживает с другими взрослыми; как правило, со своими взрослыми детьми и родителями, без маленьких детей (тип 4) или с таковыми (тип 5).

Таблица 1

Доля домохозяйств различного социально-демографического типа в подвыборке, % опрошенных (*N* = 985)

Социально-демографические типы домохозяйств	Количество респондентов (чел.)	Количество респондентов (%)
1. Семейная пара без детей до 18 лет и без других взрослых, проживающих в домохозяйстве	339	34,4
в том числе оба супруга моложе 30 лет	44	4,5
2. Семейная пара со взрослыми детьми, но без других членов домохозяйства	170	17,3
3. Семейная пара с детьми до 18 лет, но без других взрослых, проживающих в домохозяйстве	343	34,8
в том числе оба супруга моложе 30 лет	61	6,2
4. Семейная пара без детей до 18 лет, но с другими взрослыми, проживающими в домохозяйстве	48	4,9
в том числе оба супруга моложе 30 лет	9	0,9
5. Семейная пара с детьми до 18 лет и другими взрослыми, проживающими в домохозяйстве	85	8,6
в том числе оба супруга моложе 30 лет	11	1,1

Операционализация понятий и ограничения данных

Поскольку индивид, являющийся единицей нашего обследования, частично представляет собой и семью (домохозяйство), уточним дефиниции этих понятий. Домохозяйство, как правило, определяется через совместность проживания и расходов на ведение домашнего хозяйства, а семья — через отношения родства, брака или зависимости[12]. Если семья проживает на одной площади, то её границы могут совпадать с границами домохозяйства, однако часто эти конфигурации не соответствуют друг другу. В нашем исследовании, если не оговорено иначе, под семьёй (домохозяйством) респондента мы подразумеваем так называемую экономическую семью, то есть группу людей, объединённых родственными отношениями, совместно проживающих и делящих расходы на питание, коммунальные услуги и другие нужды. Подчеркнём, что в данном случае мы говорим не о совместном *ведении* бюджета, то есть не о том, *как* делятся расходы, а о том, что у семьи *есть* общие расходы.

И здесь уместно перейти к вопросу о том, что мы понимаем под управлением семейными финансами, и каким образом эти понятия операционализированы в массовом опросе.

В одной из своих ранних работ Ж. Пал проводит различие между терминами *control* (контроль), *management* (менеджмент) и *budgeting* (бюджетирование) [Pahl 1983: 244]. Под термином *control* подразумевается принятие решений о том, какой тип финансового управления будет в семье, за кем последнее слово по крупным финансовым решениям, кто имеет доступ к общему бюджету и т. д. Исходя из этого содержания, контроль в большей степени связан, на наш взгляд, с одним из проявлений власт-

[12] Те же самые критерии применяются и при исследованиях распределения доходов населения [Atkinson, Rainwater, Smeeding 1995].

ных функций. Под термином *management* подразумевается введение в действие уже принятой системы управления финансами, то есть суть его заключается в определении сумм и статей расходов (сколько и на что будет потрачено); а *budgeting* касается определения расходования денежных средств внутри той или иной статьи. Поскольку дословный русский перевод упомянутых терминов не вполне точен, то правомерно, на наш взгляд, *management* определить как стратегическое управление (отвечающее, например, на вопрос: «Сколько мы потратим на еду, а сколько — на одежду?»), а *budgeting* — как тактическое управление («Что именно из еды мы купим на эти деньги?»).

При изучении типов управления семейными финансами мы в первую очередь подразумеваем именно стратегическое и тактическое управление (*management and budgeting*), тогда как вопросы контроля и власти имеют в данном случае второстепенное значение.

Для определения типа управления финансами респонденту в анкете предлагалось самоидентифицировать свою семью с одной из предложенных систем управления либо же указать другую. Вопрос формулировался следующим образом: «Кто в Вашей семье распоряжается доходами?» Варианты ответов: (1) Вы единолично распоряжаетесь всеми деньгами (даёте часть денег своему(ей) супругу(е), детям и т. д. на личные траты); (2) Ваш(а) супруг(а) единолично распоряжается всеми деньгами (даёт часть Вам и детям и т. д. на личные траты); (3) Ваш(а) супруг(а) передаёт Вам фиксированную сумму на расходы по ведению домашнего хозяйства, а остаток средств остаётся под его (ее) контролем и он(а) самостоятельно оплачивает другие расходы; (4) Вы передаёте Вашей супруге (Вашему супругу) фиксированную сумму на расходы по ведению домашнего хозяйства, а остаток средств остаётся под Вашим контролем, и Вы самостоятельно оплачиваете другие расходы; (5) Вы складываете все деньги вместе, а потом каждый берёт оттуда, сколько нужно; (6) Вы складываете какую-то часть денег вместе, оставляя остальное на свои личные нужды, а потом каждый берёт из общего источника, чтобы оплачивать общие траты; (7) И Вы, и супруг(а) распоряжаетесь своими деньгами самостоятельно, без объединения их в «общий котёл»; (8) Другое.

Из вариантов ответов следует, что вопрос относится в большей степени к управлению текущими повседневными расходами (то есть в первую очередь подразумевается *budgeting* и частично — *management*), тогда как категории крупных трат отходят на второй план.

Несомненно, вопрос об управлении семейным бюджетом является чувствительным для респондента. Сенситивность вопроса обусловливается как минимум двумя причинами. Прежде всего тем, что речь идёт о личных финансах, а о деньгах редко говорят, причём как с друзьями и приятелями, так и (даже) со своими партнёрами по браку, тем более с незнакомым человеком, каковым является интервьюер. Поэтому любые вопросы в анкетах, касающиеся денег, доходов, сбережений, могут иметь завышенную долю затруднившихся ответить либо неискренних ответов. Неискренность или недостоверность ответов респондента, в принципе, присуща любому социологическому опросу (мы узнаём о том, что человек говорит о чём-либо, но не всегда это идентично тому, что он реально об этом думает), но в данном случае эта неискренность может быть связана со второй причиной, обусловливающей сенситивность вопроса. Эта причина заключается в эффекте гендерных стереотипов в мнениях респондентов, которые (осознанно или нет) могут «сдвигать» свои ответы в сторону гендерной нормы, а это означает, что ответ на вопрос будет эмоционально окрашен, в данном случае — в зависимости от пола респондента.

Правда, ответ на вопрос о гендерных нормах применительно к управлению финансами в семье не имеет однозначного ответа. С одной стороны, существуют патриархальные представления о гендерных ролях, где мужчина выступает кормильцем, добытчиком и главой, а женщине отводятся функции по ведению домашнего хозяйства в обозначенных пределах. С другой стороны, присутствуют эгалитар-

ные нормы, базирующиеся на идее равенства полов во всех сферах, в том числе и во внутрисемейных отношениях, когда решения относительно финансов, воспитания детей, проведения досуга и т. д. принимаются сообща.

Эгалитарные идеи активно пропагандировались в советское время (и действительно, модель семьи, где оба супруга работают, стала самой распространённой), однако обязанности по дому и уходу за детьми оставались преимущественно на плечах женщины (справедливости ради нужно сказать, что такое «двойное бремя» не является спецификой советской власти; на несоветском пространстве ситуация выглядела во многом схоже). Женщина, как правило, чаще распоряжалась семейными финансами, а обязанность «хорошего мужа» заключалась в том, чтобы отдать супруге всю «получку», из которой уже она выдавала деньги на обед—газету—сигареты, вела текущие расходы по дому и проч., хотя для стороннего взгляда такая ситуация может показаться и анекдотичной.

Кроме того, не стоит забывать и о феминизме (латентном, а порой и явном) позднесоветского типа, опровергающем традиционные нормы о мужском и женском предназначении, об априорном мужском интеллектуальном превосходстве и т. д. Тоталитарное общество, являясь патерналистским по своей природе, не требовало от человека, по сути, никакой ответственности за своё существование (всё решалось за него), порождало иждивенческие и инфантильные настроения. Крушение этого строя привело к тому, что женщины быстрее адаптировались к новой экономической ситуации и взяли на себя ответственность не только в производственной сфере, но и во внутрисемейных отношениях. Причём если в начале перестройки это было зачастую вынужденным шагом (вынужденное предпринимательство), то сейчас ориентация женщин на самостоятельность и независимость от мужчины предстаёт во многом добровольной и осознанной. А это означает инверсию гендерных ролей и норм, которая не всегда одобряется в обществе.

Вышеописанное «несовершенство» данных усугубляется и тем, что анкета не предусматривала вопросов, нацеленных на выявление механизмов и результатов принятия решений в домохозяйстве по различным аспектам (такие вопросы предполагается включить на следующем этапе проекта), а также тем, что вопросы, касающиеся семейного бюджета (об управлении финансами, об оценке вклада каждого из супругов в общий доход, об удовлетворённости и наличии разногласий относительно сложившейся системы управления и др.), задавались только одному из супругов, что может быть источником смещения, вызванного как желанием «выглядеть лучше», так и стремлением соответствовать принятым в социальном окружении респондента нормам. Понимая эти ограничения данных, мы считаем тем не менее возможным проведение анализа в соответствии с указанными целями исследования в качестве начального этапа разработки данной проблематики.

Гипотезы и результаты исследования

Распространённость различных систем управления семейными финансами

Прежде всего обратимся к анализу распространённости различных систем управления семейными финансами.

> *Гипотеза 1*. Мы предполагаем, что типы управления финансами в российских семьях не будут отличаться от тех, которые были выявлены в исследовании британских социологов Ж. Пал и К. Воглер, однако их распространённость будет иной. В частности, вследствие более длительного существования традиции женской занятости, а также принципа равенства полов во всех сферах, можно предположить бóльшую приверженность российских семей системе общего пула в управлении финансами. Вместе с тем относительно низкий по сравнению с западным

уровень жизни большинства российских семей, а также существующие отголоски советской модели семьи, где муж отдавал всю зарплату жене, позволяют выдвинуть и предположение о том, что система женского полного управления финансами будет пользоваться в российских семьях большей популярностью, нежели в британских.

Данная гипотеза базируется на существовании в российском обществе разнонаправленных воздействий, оказывающих влияние на принципы распределения ролей в семье. Как показывают эмпирические исследования, в современной российской семье черты эгалитарности поразительным образом переплетаются с традиционными признаками. Так, к примеру, согласно исследованиям Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), большинство респондентов склонны придерживаться представления о мужчине как о «кормильце»: две трети опрошенных считают, что муж должен зарабатывать больше жены, и только около четверти полагают, что супруги должны зарабатывать одинаково. Когда же речь заходит о распределении внутрисемейных ролей, респонденты куда чаще занимают эгалитаристскую позицию — суждения о том, кто должен вести домашнее хозяйство, распределяются ровно противоположным образом: почти три четверти считают, что оба супруга должны участвовать в этом в равной мере, и только четверть придерживаются мнения, что хозяйством должны заниматься жены [Вовк 2006: 73]. Тем не менее образы мужа и жены сейчас не столь дифференцированны, как в системе традиционных представлений[13]. Вместе с тем выбор гендерной идентичности влияет на все стороны жизни. В более ранних исследованиях [Здравомыслова, Арутюнян 1998: 53] было установлено, что семейно ориентированные женщины, признавая факт очевидного гендерного неравенства во внешнем мире и не претендуя на равную власть с мужчинами вне семьи, тем не менее желают лидировать и управлять внутри неё (своего рода компенсационная логика). Позиция профессионально ориентированных женщин более противоречива и свидетельствует о стремлении к равенству, а возможно, и к доминированию.

Для того чтобы сформировать типы управления семейными финансами, ответы респондентов нами были перегруппированы в зависимости от того, кому они принадлежали — мужчине или женщине. Ответы мужчин о единоличном распоряжении всеми деньгами и соответствующие ответы женщин относительно своих супругов объединялись в систему мужского полного управления, зеркально аналогичные ответы женщин о себе и мужчин о своих жёнах — в систему женского полного управления. Система фиксированного бюджета на ведение домашнего хозяйства также предусматривала два варианта в зависимости от того, кто кому передаёт фиксированную сумму на домашние расходы и кто контролирует оставшиеся денежные средства. Система общего или частичного пула включает ответы и мужчин, и женщин о том, что все деньги или их часть складываются вместе, а потом каждый берёт оттуда, сколько нужно; система независимого управления включает ответы о том, что каждый распоряжается деньгами самостоятельно.

Итак, наиболее распространённой предстаёт система общего или частичного пула (45,6% в совокупности, см. рис. 1); 25% голосов набирает модель в той или иной степени женского доминирования; 23% — мужского. При этом интересно, что среди моделей с женским доминированием преобладает система полного управления (22,3%), а с мужским — система фиксированного бюджета, контролируемого мужчиной (17%). С системой независимого управления идентифицировали сложившуюся у них практику 4% респондентов.

[13] В том же исследовании ФОМа отмечается, что в постсоветское время, к примеру, поменялось соотношение мнений россиян относительно предпочтений для будущего своей дочери-подростка. В 2005 г. 62% опрошенных выказали предпочтение хорошей работе перед удачным замужеством, тем самым фактически отказавшись от патриархальной гендерной модели, а 27% опрошенных готовы были связать будущее своей дочери в первую очередь с удачным замужеством. В 1990 г. соотношение мнений россиян по данному вопросу было ровно противоположным. Конечно, нельзя не принять во внимание то, что, отдавая предпочтение либо удачному замужеству, либо хорошей работе, респонденты могли исходить не только из ценностных соображений, но и из прагматических (какая из стратегий сегодня лучше работает) [Вовк 2006: 69].

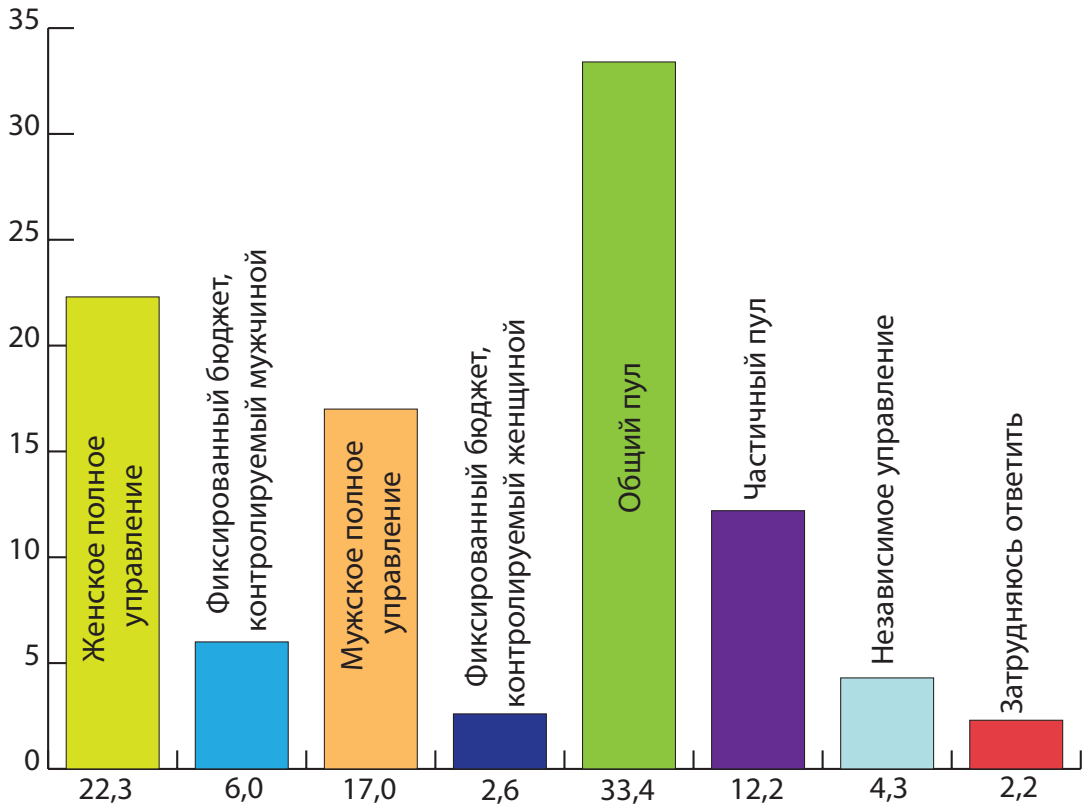

Рис. 1. Распределение систем управления финансами в российских семьях, % (N = 985)

Какова вероятность смещений при изучении типов управления финансами на основе ответов одного из супругов? Из табл. 2 следует, что различия в ответах мужчин и женщин не случайны[14], и в этом смысле мы вынуждены признать, что определённое смещение, связанное с тем, что опрашивался только один из партнёров, существует. Наибольшие различия наблюдаются в ответах о чьём-либо полном управлении (доминировании) финансами: при сравнении ответов, полученных со стороны женщины и со стороны мужчины, оценки не совпадают. Так, женщины в 1,4 раза чаще мужчин сообщили о том, что в их семье действует женское полное управление (26,1% по сравнению с 18,6%), тогда как мужчины в 3,2 раза чаще женщин заявили о мужском полном управлении (9,2% по сравнению с 2,9%). Относительно других систем управления семейными доходами различий практически нет.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос о том, кто в семье распоряжается доходами, в зависимости от пола респондента, % по столбцу

Кто в семье распоряжается доходами?	Респондент — мужчина (N = 490)	Респондент — женщина (N = 487)
Всеми деньгами единолично распоряжается женщина, даёт часть денег своему супругу, детям и т. д. (*женское полное управление*)	18,6	26,1
Всеми деньгами единолично распоряжается мужчина, даёт часть денег своей супруге, детям и т. д. (*мужское полное управление*)	9,2	2,9

[14] Об этом свидетельствует значение коэффициента хи-квадрат.

Таблица 2. Окончание

Кто в семье распоряжается доходами?	Респондент — мужчина (N = 490)	Респондент — женщина (N = 487)
Муж передаёт жене фиксированную сумму на ведение домохозяйства, а остаток средств остаётся под его контролем, и он самостоятельно оплачивает другие расходы *(фиксированный бюджет, контролируемый мужчиной)*	17,1	16,8
Жена передаёт мужу фиксированную сумму на ведение домохозяйства, а остаток средств остаётся под её контролем, и она самостоятельно оплачивает другие расходы *(фиксированный бюджет, контролируемый женщиной)*	2,7	2,5
Супруги складывают все деньги вместе, а потом каждый берёт оттуда, сколько нужно (*общий пул*)	33,5	33,3
Супруги складывают какую-то часть денег вместе, оставляя остальное на свои личные нужды, а потом каждый берёт из общего источника, чтобы оплачивать общие траты (*частичный пул*)	11,4	12,9
И муж, и жена распоряжаются своими деньгами самостоятельно, без объединения их в «общий котёл» (независимое управление)	5,3	3,3
Затрудняюсь ответить	2,2	2,3

Примечание. Коэффициент хи-квадрат = 25,093 (df = 7), $Sig.$ = 0,001; коэффициент Гудмена—Краскела = 0,003, $Sig.$ = 0,002.

Сравним полученные данные с результатами других эмпирических обследований, как британских (1984, 1986, 1995 годов), так и российских (1998, 2007 годов). Понимая, что методологические различия накладывают ограничения на возможность сравнительного анализа, тем не менее следует отметить, что система пула имеет наибольшую распространённость: она используется, согласно мнению опрошенных, примерно в половине семей (см. табл. 3). Система полного управления одного из супругов используется приблизительно в трети российских и британских семей, причём распорядителем доходов чаще всего являются женщины. Наиболее выбиваются из этого ряда данные российского обследования 1998 г., что, вероятнее всего, объясняется спецификой выборки (только четыре города) и организацией опроса, о чем уже говорилось ранее. Системы фиксированного бюджета, согласно данным НИУ ВШЭ от 2011 г., придерживается пятая часть российских семей, в Великобритании середины 1990-х годов таковых примерно в два раза меньше. Система независимого управления предстаёт довольно редким явлением, хотя необходимо учитывать временну́ю разницу опросов в сравниваемых странах[15].

Таким образом, нельзя согласиться с заключением С. Кларка о гомогенности российских семей в плане управления финансами и большей культурной укоренённости практик совместного управления деньгами. Скорее всего, сделанный им вывод является либо отражением специфики времени опроса (1998 г.), либо своего рода артефактом используемой выборки.

[15] После 1995 г. вопросы об управлении финансами семьи при проведении Британского панельного обследования домохозяйств (BNPS) не задавались, однако масштабный объём выборки обследования (N = 5500) позволяет выделить отдельно группу семей с независимым управлением бюджетом и, изучив их профиль, понять направления дальнейших изменений. Было выяснено, что система независимого управления более характерна для молодых, обеспеченных семей, где женщина имеет относительно высокий уровень дохода: эту систему выбирают при ответе на соответствующий вопрос 7% пар в возрасте супругов до 30 лет (против 1% в 1960-е годы), 9% женщин с доходом свыше 1200 фунтов в месяц против 2% с доходом менее 400 фунтов [Pahl 2005: 383]. Качественные исследования на британских данных показывают, что практика, когда каждый из супругов распоряжается деньгами самостоятельно, наблюдается в парах, живущих в гражданском союзе или в повторном браке [Burgoyne, Morison 1997; Vogler 2005].

Возвращаясь к *гипотезе 1*, в целом можно говорить, что она не подтвердилась: приверженность российских и британских семей системе общего пула примерно одинакова, как и степень распространённости системы женского полного управления семейными финансами. Однако вывод нельзя назвать абсолютно точным, поскольку существует хронологический разрыв между данными опросов[16].

Таблица 3

Сравнение различных эмпирических данных об управлении финансами в британских и российских семьях, % по столбцу

Система управления семейными финансами	Великобритания, 1984, $N = 102$*	Великобритания, SCELI 1986, $N = 1211$**	Великобритания, BHPS, 1995, $N = 5500$hh***	Россия, 1998, $N = 3029$, четыре города****	Россия, 2007, РиД-МиЖ*****, $N = 6246$	Россия, 2011, НИУ ВШЭ******, $N = 985$
Полное управление (*Whole wage*), в том числе:	14	36	36	8	37	28
женское	14	26			29	22
мужское	—	10			8	6
Фиксированный бюджет (*Housekeeping allowance*), в том числе:	22	12	10	5	—	20
контролируемый мужчиной						17
контролируемый женщиной						3
Общий или частичный пул (*Pool/Shared management*), в том числе:	56	50	51	81	58	46
общий пул				68	52	34
частичный пул				13	6	12
Независимое управление (*Independent*)	9	2	3	4	4	4
Нет ответа					1	2

* См.: [Pahl 1989].

** См.: [Vogler 1994].

*** См.: [Laurie, Gershuny 2000: 58–59].

**** См.: [Clarke 2002:542].

***** Использованы данные второй волны обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиД-МиЖ, 2007 г., см. URL: http://www.socpol.ru/gender/2_w.shtml), где респонденту задавался вопрос: «Как Вы и (Ваш партнёр или супруг; Ваша партнёрша или супруга) распоряжаетесь доходами Вашего домохозяйства?».

****** Общая выборка составляет 11117 респондентов, но вопрос о бюджете задавался только респондентам, имеющим партнёра (супруга) в домохозяйстве. Ответы были предварительно перегруппированы в зависимости от того, кому они принадлежали — мужчине или женщине.

Действительно ли в семьях с общим пулом все финансовые вопросы решаются сообща? Или же один из супругов «главнее», поскольку ему (ей) принадлежит «последнее» слово в принятии решений по различным вопросам и он(а) несёт окончательную ответственность за них? Изучение этих вопросов, связанных с распределением финансовой власти в семье, будет проводиться, как уже говорилось, на следующем этапе исследования. Однако в настоящее время мы имеем возможность проанализировать,

[16] К сожалению, нам не удалось найти более свежих — доступных — британских данных.

существует ли взаимосвязь между статусом главы семьи и принятой в ней системой управления финансами. Только 41% респондентов, выбравших систему общего пула, и 45% сторонников частичного пула, указали, что их в равной степени с супругом (супругой) можно назвать главой семьи, при этом половина как мужчин, так и женщин в этих семьях признают первенство мужа. При этом даже в семьях с доминирующей ролью жены в управлении бюджетом треть женщин называют мужа главой семьи, а почти 60% мужчин согласны с ними в этом. Безусловно, на определение доминирующего статуса влияет множество различных факторов, как экономических, так и социокультурных (что является предметом отдельного исследования[17]). Сейчас нам важно зафиксировать, что совместное управление финансами не обязательно означает общее главенство супругов в семье и, вероятно, общую ответственность за распоряжение деньгами.

Управление финансами и субъективное восприятие супругами соотношения размеров индивидуальных доходов

Как взаимосвязаны ответы респондентов о сложившейся в их семьях системе управления финансами с субъективным восприятием размеров доходов одного из супругов относительно другого?

При ответе на этот вопрос можно исходить из различных подходов, уже обозначенных нами ранее. Идея, вытекающая из ресурсного подхода, заключается в том, что если доходы партнёра оцениваются по размеру больше своих собственных, то ему (ей) и принадлежит «пальма первенства» в управлении семейными финансами. Либо может работать компенсаторная логика, вытекающая из модели обмена, в соответствии с которой меньшие доходы (или их отсутствие) одного из супругов «уравновешиваются» его (её) бóльшим участием в управлении семейными финансами. Кроме того, ответы респондентов о соотношении доходов супругов и управлении семейным бюджетом могут испытывать на себе влияние социокультурных норм и гендерных ролей.

> *Гипотеза 2.* Мы предполагаем, что независимо от декларируемой респондентами системы управления семейными финансами соотношение размеров доходов одного супруга относительно доходов другого в восприятии опрошенных будет наблюдаться в пользу мужчины.

Данная гипотеза базируется на том, что вследствие многих причин (отраслевая и профессиональная сегрегация, различия в уровне человеческого капитала, дискриминация женщин на рынке труда и т. д. [Рощин 2003]) существуют значительные гендерные различия в заработной плате. По данным Обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ) Росстата, отношение заработной платы мужчин к заработной плате женщин (по обследованным видам экономической деятельности) в октябре 2009 г. составило 65,3%[18]. И это гендерное неравенство отражается, скорее всего, и в субъективном восприятии людей. Кроме того, не следует забывать и о существующих представлениях о современной норме, согласно которым мужчина *должен* работать и зарабатывать, а женщина *может* работать, *если хочет*. Большинство россиян признают за женщиной желание, право, а нередко и способности, эквивалентные мужским, работать и делать карьеру, но вместе с тем легитимной женской биографией является и биография домохозяйки [Вовк 2006: 73].

---

[17] См., например, исследование И.М. Козиной о факторах обретения индивидами статуса «кормильца» — немногим больше половины (59%) респондентов, назвавших себя «кормильцами», имеют наибольший доход в своём домохозяйстве [Козина 2000: 84].

[18] См. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/wages/#

Анализ показывает, что во всех семьях, за исключением семей с независимым управлением финансами, половина и более респондентов оценивает доходы мужа как более высокие по сравнению с доходами жены (см. рис. 2). Доля таких респондентов максимальна в семьях с мужским полным управлением и системой фиксированного бюджета, контролируемого мужчиной, что вполне вписывается в рамки ресурсного подхода. В семьях с общим или частичным пулом только чуть более четверти респондентов полагают, что их доходы с супругом(ой) примерно одинаковы, остальные же фиксируют доходное неравенство, большей частью также в сторону мужчин. Наибольшая же доля (29%) тех респондентов, кто указывает на больший размер женских доходов в супружеской паре, наблюдается в редко встречающихся семьях с фиксированным бюджетом, контролируемым женщиной, то есть где жена передаёт мужу фиксированную сумму на ведение домашнего хозяйства, а остаток средств остаётся под её контролем, и она самостоятельно оплачивает другие расходы. Такая ситуация выглядит своего рода экзотикой в российских условиях, а вот система, при которой всеми деньгами единолично распоряжается женщина, то есть даёт часть денег своему супругу, детям и т. д. (женское полное управление), более распространена, при том что только 14% респондентов, идентифицирующих сложившуюся у них систему управления с вышеописанной, указали: доходы жены больше доходов мужа. Иными словами, мужская функция в данном случае заключается в том, чтобы заработать наибольшую сумму денег, принести их «в дом» и отдать жене (функция обеспечения доходами), а она будет полностью распоряжаться деньгами (функция распределения)[19]. В семьях с независимым управлением финансами наблюдается относительный паритет мнений по поводу индивидуальных доходов. В целом можно говорить, что *гипотеза 2* подтверждается: существуют статистически значимые различия в субъективном восприятии соотношения доходов мужчин и женщин между респондентами, представляющими типы управления семейными финансами, но, несмотря на эти различия, большинство выразителей взглядов всех типов, за исключением независимого, говорят о том, что доходы мужа выше доходов жены.

[19] Причины, по которым сложилась такая практика, могут быть самыми разнообразными — от нежелания мужчин «влезать» в домашние заботы до их неумения обращаться с деньгами и т. д. Трудно удержаться, чтобы не привести выдержку из поста в «Живом журнале» (ЖЖ) 32-летней женщины, описывающей такую практику: «Знаете практику большинства советских жён в своё время? Всю получку отобрать до копейки, выдавать лимитированно каждый день строго на обед—газету—сигареты или на заранее оговоренные цели, в случае отступления от которых — “Ну, если голубей купил — захлястну!”. Все покупки делать только вместе или самой. Мне пришлось применить такой жёсткий метод, потому как другого способа полноценно привлечь мужа к участию в семейных расходах в течение года я не нашла. Человек не жадный и готов отдать всё, что имеет; фишка в том, что не успеет у него что-то зашуршать в кармане, оно испаряется оттуда в неизвестном направлении со скоростью звука. Полученное либо не доносилось до дома, либо доносилось в сильно кастрированном виде. Вразумительных объяснений по поводу потраченного и приобретенного дать не мог. Баб нет, в казино не играет. После очередного “разбора полётов” честно признался, что, коли он с деньгами обращаться не умеет, контролировать расходы лучше мне. И сдал зарплатную карточку. Вот так и живём — выдаю на обед, кидаю ему на телефон, продукты, ну и всё в таком ключе. И должна сказать, что после двух месяцев эксперимента денег образовалось существенно больше, чем во времена его финансовой независимости, а на его зарплатной карточке скопилась даже после всех трат вполне себе радующая глаз сумма» (см.: URL: http://girls-only.org/9425289.html).

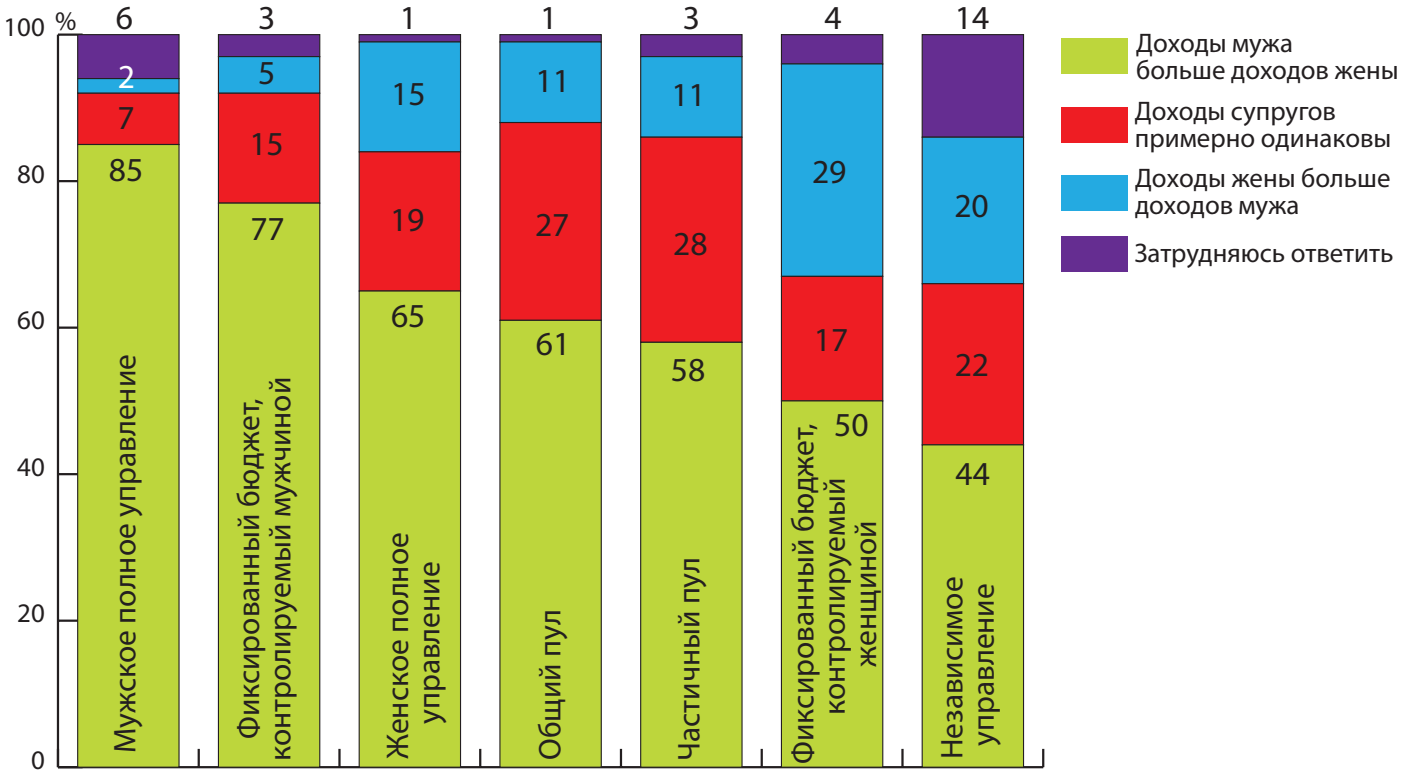

Рис. 2. Субъективные оценки соотношения индивидуальных доходов супругов в зависимости от выбранной системы управления финансами

Примечание. Коэффициент хи-квадрат = 113,212 (*df* = 21), *Sig*. = 0,000.

Признаки дифференциации семей по типу управления финансами

Перейдём к рассмотрению ключевых элементов, которые могут выступать факторами дифференциации семей по типу управления финансами: среднедушевой доход семьи; занятость супругов; их уровень образования и возраст; стаж совместного проживания; социально-демографический тип домохозяйства; тип поселения. Подчеркнём, что на данном этапе выявляется не влияние каждого из этих факторов (это будет сделано далее), а его наличие или отсутствие и характер различий семей по типу управления финансами.

Среднедушевой доход

> *Гипотеза 3.* Модели управления семейными финансами с доминированием женщины более характерны для малообеспеченных домохозяйств. Этот вывод, полученный в ходе исследований, выполненных на британских данных [Vogler, Pahl 1993: 79], не будет противоречить российской действительности.

В самом деле, наименьший среднедушевой доход (80% от среднего по выборке) наблюдается в семьях с женским полным управлением и в семьях с фиксированным бюджетом, контролируемым женщиной (91% от среднего по выборке, см. табл. 4). В условиях ограниченности ресурсов возможны разные стратегии выживания — от сокращения расходов, склонность к которому более проявляют женщины, до увеличения доходов (поиск более высокооплачиваемой занятости, дополнительных источников де-

нежных средств и т. п.), чему более привержены мужчины[20]. В случае приоритета первой стратегии именно женщины берут на себя функции управления семейными финансами. М. Буравой предлагает учитывать специфику российской трансформации 1990-х годов, называемую им инволюцией [Буравой 1999], которая на внутрисемейном уровне привела к формированию двух полюсов — высокообеспеченных домохозяйств, где доминирующая роль принадлежит мужчине, и бедных семей с «главенством» женщины [Burawoy, Krotov, Lytkina 2000: 61].

Таблица 4

Размер среднедушевого дохода в семьях с различными системами управления финансами (*N* = 985)

Система управления семейными финансами	Размер среднедушевого дохода семьи (руб.)	
	Среднее значение	Медиана
Частичный пул	13 580	10 000
Фиксированный бюджет, контролируемый мужчиной	12 534	10 000
Мужское полное управление	11 336	9600
Общий пул	10 714	9000
Независимое управление	10 618	9167
Фиксированный бюджет, контролируемый женщиной	9948	8583
Женское полное управление	8764	8000
В целом по подвыборке	10 923	8000

Примечание. $F = 6{,}45$; $df = 7$; $Sig. = 0{,}000$.

Статус занятости супругов

Исследования Ж. Пал и К. Воглер показывают, что степень активности женщин на рынке труда является одним из важнейших элементом дифференциации семей по типу управления финансами. Приверженность семей системе общего пула зависит не от самого факта женской занятости, а от её характера, и в случае полной занятости эгалитарная модель финансовых взаимоотношений преобладает [Morris 1984: 497; Vogler, Pahl 1993: 80].

Исходя из этого, мы сформулируем нашу гипотезу, но в более общем виде, поскольку на данном этапе исследования наша анкета не предусматривала выяснения уровня вовлечённости супругов в сферу трудовых отношений (полная или частичная занятость и т. п.).

> *Гипотеза 4.* Приверженность семей системам управления финансами с доминированием одного из супругов связана, вероятнее всего, со статусом занятости женщины.

Для того чтобы проверить выдвинутое предположение, мы разделили все семьи на группы в зависимости от основного занятия респондентов и их партнёров в настоящий момент. К неработающим были отнесены безработные; учащиеся (в том числе студенты); лица, находящиеся в отпуске по уходу за ребёнком; домохозяйки; пенсионеры. Безусловно, причины незанятости этих групп могут быть совер-

[20] Об этом свидетельствуют, например, данные мониторинга потребительских и инфляционных ожиданий населения. На вопрос: «Что из перечисленного Вы (члены Вашей семьи) начали делать за последний месяц?» — 9% мужчин и 6% женщин в декабре 2010 г. ответили, что нашли более высокооплачиваемую работу, приработок, занялись бизнесом; 21% мужчин и 29% женщин покупали более дешёвые, чем раньше, продукты и товары; 19% мужчин и 26% женщин покупали реже или отказались от некоторых продуктов, товаров и услуг [Ибрагимова 2011].

шенно разными, но для нас важно то, что на данный момент они находятся вне рынка труда и соответственно без доходов от занятости. Кроме того, выделенные ранее семь систем управления семейными финансами были укрупнены в четыре группы: (1) мужского доминирования; (2) женского доминирования (в эти две группы вошли системы мужского или женского полного управления и фиксированного бюджета, контролируемого мужчиной или женщиной), (3) пула (общего или частичного пула) и (4) независимого управления.

Итак, семьи, в которых муж работает, а жена — нет (таковых пятая часть в подвыборке), демонстрируют бóльшую приверженность моделям управления с доминирующей ролью мужа, при этом общего пула в этой группе придерживается наименьшая по сравнению с другими доля семей (см. табл. 5). Немногочисленные семьи, где жена работает, а муж нет, более склонны к женскому доминированию в финансовых вопросах или независимому управлению. По сути дела, в данном случае подтверждается ресурсная концепция, являющаяся сильным объяснительным механизмом. Свыше трети семей, где оба супруга не работают (очевидно, и уровень материальной обеспеченности этих домохозяйств довольно низкий), полагаются на главенство женщины в управлении финансами.

Таблица 5

Системы управления семейными финансами в зависимости от статуса занятости супругов, % по столбцу

	Муж и жена работают	Муж работает, жена — нет	Жена работает, муж — нет	Муж и жена не работают	В целом по подвыборке
	N = 591	*N* = 179	*N* = 45	*N* = 142	*N* = 985
Управление с доминированием женщины	21	25	38	36	24
Управление с доминированием мужчины	24	30	7	15	23
Общий или частичный пул	47	38	47	45	45
Независимое управление	5	3	9	4	4
Затруднились с ответом	3	4	0	1	3

Примечание. Коэффициент хи-квадрат = 66,457 (*df* = 21), *Sig*. = 0,000.

Образование супругов

Гипотеза 5. Можно предположить, что более образованные люди будут придерживаться более современной (то есть более эгалитарной) модели внутрисемейных финансовых отношений.

Действительно, если образование хотя бы одного из супругов среднее специальное и выше, то приверженность семьи системам совместного управления выражается больше, при этом различий между мужчинами и женщинами не наблюдается (см. табл. 6). В целом это согласуется с результатами британских исследований, однако различие состоит в том, что в Великобритании эгалитарные модели финансового менеджмента большей частью наблюдаются в семьях, где человеческий капитал выше у мужа, тогда как уровень образования жены не имеет значения [Vogler, Pahl 1993: 83]. Причины такого расхождения, на наш взгляд, связаны с более высоким уровнем образованности российских женщин. Сравнение распределений по уровню образования отдельно для мужчин и для женщин не обнаружива-

ет различий (по 47% мужчин и женщин имеют среднее специальное образование, а неполное высшее или высшее — 29% женщин и 24% мужчин). Выделение трёх групп семей на основе сопоставления уровня образованности супругов в паре[21] показывает отсутствие различий между группами в системах управления финансами.

Таблица 6

Системы управления семейными финансами в зависимости от уровня образования супругов, % по столбцу для мужчин и для женщин

Системы управления семейными финансами	Уровень образования в семейной паре					
	Неполное среднее, среднее, ПТУ		Среднее специальное		Неполное высшее, высшее	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Управление с доминированием женщины	35	34	23	27	18	15
Управление с доминированием мужчины	19	23	23	20	30	30
Общий или частичный пул	42	37	50	50	48	49
Независимое управление	4	6	4	3	4	6

Примечание. Коэффициент хи-квадрат для мужчин = 24,880 (*df* = 6), *Sig*. = 0,000; коэффициент хи-квадрат для женщин = 34,178 (*df* = 6), *Sig*. = 0,000.

Семейный стаж, возраст супругов и управление финансами в семье родителей

Гипотеза 6. Исходное предположение состояло в том, что чем дольше супруги проживают вместе, тем больше их ориентация на эгалитарные отношения в сфере управления финансами.

Данная гипотеза является одной из производной концепции домохозяйственных стратегий, базирующейся на представлении, что, несмотря на индивидуальные характеристики, член домохозяйства практически всегда завязан на поведенческие ориентации остальных домочадцев. Иными словами, стратегия домохозяйства в какой бы то ни было сфере является результатом сложного согласования интересов его членов [Барсукова, Радаев 2000: 73]. Следовательно, можно допустить, что, поскольку на начальном этапе совместного проживания идёт, как правило, «притирка» партнёров друг к другу, достижение согласованности в каких-либо действиях представляет значительные сложности. А по мере накопления опыта семейной жизни характер диалога между партнёрами становится менее напряжённым, что и приводит, в конечном счёте, к общей демократизации отношений.

Анализ кросс-таблиц показывает, что *гипотеза 6* подтверждается частично. С одной стороны, практически половина семей со стажем брака более 20 лет декларируют свою приверженность системам общего или частичного пула, тогда как соответствующая доля в более «молодых» семьях — 40–43% (см. табл. 7). Но, с другой стороны, 52% семей с небольшим стажем совместного проживания (до 5 лет) также выбирают демократическую модель в ответе на вопрос об управлении финансами. Пока трудно объяснить, с чем это может быть связано. Что касается моделей управления финансами с доминированием кого-либо из супругов, то в более «молодых» семьях чаще главенствует муж, а в семьях, «умудрённых опытом», — жена.

[21] Были выделены три группы семей: (1) семьи, в которых уровень образования мужа и жены одинаков (таковых в нашей подвыборке 58%); (2) семьи, где уровень образования мужа выше, чем у жены (16%); (3) семьи, где уровень образования жены выше, чем у мужа (26%).

Таблица 7

Системы управления семейными финансами в зависимости от стажа совместной жизни супругов, % по столбцу

Системы управления семейными финансами	Группы семей по стажу совместной жизни				
	До 5 лет, *N* = 153	6–10 лет, *N* = 147	11–20 лет, *N* = 202	21–30 лет, *N* = 230	Больше 30 лет, *N* = 192
Управление с доминированием женщины	19	21	23	27	34
Управление с доминированием мужчины	26	32	30	18	15
Общий или частичный пул	52	40	43	51	47
Независимое управление	3	7	4	4	4

Примечание. Коэффициент хи-квадрат = 33,971 (*df* = 12), *Sig*. = 0,001.

Семейный стаж в некоторой степени, хотя и не напрямую, связан с возрастом супругов. К сожалению, мы располагаем информацией о возрасте только одного из супругов (респондента), но поскольку в нашей подвыборке равная доля мужчин и женщин, то можно надеяться, что смещение сведено к минимуму. Мы выделили возрастные группы отдельно для респондентов-мужчин и респондентов-женщин и, проанализировав их кросс-распределение между собой, выявили, что в подавляющем большинстве случаев мужчины и женщины в парах принадлежат к одной возрастной группе. На этой основе возможно создать новую переменную — средний возраст супругов. Как видно из табл. 8, результаты согласуются с предыдущими: чем старше супруги (от 50 лет и более), тем в большем числе семей принята система управления финансов с доминированием женщины; и, напротив, чем моложе супруги, тем чаще в семейном финансовом менеджменте в той или иной степени доминирует мужчина. (Система общего или частичного пула распространена в одинаковой степени во всех возрастных группах.)

Таблица 8

Системы управления семейными финансами в зависимости от среднего возраста супругов, % по столбцу

Системы управления семейными финансами	Средний возраст супругов				
	18–29 лет, *N* = 150	30–39 лет, *N* = 192	40–49 лет, *N* = 218	50–59 лет, *N* = 215	60 лет и старше, *N* = 129
Управление с доминированием женщины	21	23	15	33	37
Управление с доминированием мужчины	27	27	32	16	13
Общий или частичный пул	49	45	49	46	45
Независимое управление	3	5	4	5	5

Примечание. Коэффициент хи-квадрат = 42,803 (*df* = 12), *Sig*. = 0,000.

Причин большей приверженности супругов старшего возраста типу управления с доминированием женщины может быть, на наш взгляд, две. Одна из них связана с динамикой доходов на протяжении жизненного цикла, которые резко (в России — особенно) снижаются с выходом человека на пенсию (а, как было выявлено раньше, системы управления финансами с доминированием женщины более распространены в низкодоходных группах). Другая причина может быть связана с эффектом когорты,

то есть с жизненным опытом поколения, прошедшего социализацию и прожившего жизнь в определённых условиях.

Гипотеза 7. Если модель управления финансами меняется в семьях по мере взросления супругов, то можно говорить об эффекте возраста, а если нет, то, скорее всего, об эффекте когорты.

Конечно, в идеале эту гипотезу лучше всего проверять на многолетних панельных данных, в совокупности с глубинными интервью супругов для выяснения наличия и (или) отсутствия трансформации моделей управления семейными финансами и их причин. В отсутствие таких данных мы решили обратиться к респондентам с вопросом о том, какая система финансового менеджмента (была) принята в семьях их родителей, понимая, разумеется, что родители и дети принадлежат к разным поколениям[22]. Почти четверть респондентов затруднились с ответом; проверка на смещения показала, что различия в ответах респондентов-мужчин и респондентов-женщин незначимы, как незначимы и различия в ответах представителей разных возрастных групп. Из табл. 9 видно: в семьях респондентов имеют немного бóльшую распространённость по сравнению с семьями их родителей системы фиксированного ведения бюджета (20% против 11–14%) и меньшую — системы полного управления (28% против 26–35%). Британские исследования начала 1990-х годов показывают другие по характеру сдвиги в системах управления финансами респондентов и их родителей: снижение доли систем фиксированного ведения бюджета (с 36 до 12%); некоторое уменьшение доли моделей с полным женским управлением (с 35 до 27%); существенный рост семей, придерживающихся общего пула (с 19 до 50%) [Vogler, Pahl 1993: 83].

Таблица 9

Системы управления финансами в семьях респондентов и их родителей, % респондентов (N = 985)

Системы управления семейными финансами	В семье респондента, N = 985	В семье родителей респондента	
		с учётом затруднившихся ответить, N = 985	без учёта затруднившихся с ответом, N = 753
Полное управление (*Whole wage*), в том числе:	28	26	35
женское	22	21	29
мужское	6	5	6
Фиксированный бюджет (*Housekeeping allowance*), в том числе:	20	11	14
контролируемый мужчиной	17	9	11
контролируемый женщиной	3	2	3
Общий или частичный пул (*Pool/Shared management*), в том числе:	46	35	45
общий пул	34	27	35
частичный пул	12	8	10
Независимое управление (*Independent*)	4	5	6
Затруднились с ответом	2	23	—
ИТОГО	100	100	100

[22] Конечно, нужно понимать, что система управления финансами в семьях родителей могла меняться во времени, и вопрос, к сожалению, не предусматривал указания на конкретное время (сейчас, 10 лет назад и т. д.).

Вместе с тем более чем две трети респондентов, идентифицировавших сложившуюся у них в семьях систему финансового менеджмента как женское управление либо как общий или частичный пул, заявили, что подобная существовала (существует) и в семьях их родителей (см. табл. 10); подобное же отмечается почти у половины (42–43%) респондентов, в семьях которых действует мужское управление финансами или же независимое управление (возраст респондентов контролировался). Это означает, что, скорее всего, при анализе систем управления финансами в российских семьях можно говорить о наличии эффекта когорты и опыта социализации в семье родителей, нежели об эффекте возраста, хотя, конечно, это предположение требует ещё более глубокой верификации путём регрессионного моделирования.

Таблица 10

Системы управления финансами в семьях респондентов в зависимости от принятой в семьях их родителей, % по столбцу (*N* = 985)

Управление финансами в семьях родителей респондентов	Системы управления финансами в семьях респондентов			
	управление с доминированием женщины	управление с доминированием мужчины	общий или частичный пул	независимое управление
Управление с доминированием женщины	66	26	18	14
Управление с доминированием мужчины	8	42	9	17
Общий или частичный пул	21	29	69	26
Независимое управление	5	3	4	43

Примечание. Коэффициент хи-квадрат = 345,651 (*df* = 9), *Sig*. = 0,000.

Тип поселения

Гипотеза 8 касалась взаимосвязи моделей управления семейными финансами и местожительства (типа поселения) респондента и состояла в том, что жители крупных городов могут демонстрировать более эгалитарные практики финансового менеджмента.

Эта гипотеза не подтвердилась: различия оказались незначимыми.

Социально-демографический тип семьи

В исследовании С. Кларка было обнаружено, что чем больше взрослых людей в домохозяйстве, тем больше была вероятность того, что все они будут отдавать в общий бюджет лишь часть своего дохода, а остальное оставлять себе. В случае же нуклеарной семьи, состоящей из семейной пары с детьми, с большой долей вероятности не наблюдалось раздельного бюджета, тогда как две трети домохозяйств с независимым управлением финансами составляли семьи без детей [Clarke 2002: 543]. Наши данные показывают, что модель финансового менеджмента с доминированием мужчины чаще встречается среди полных нуклеарных семей с детьми до 18 лет, но без других взрослых, проживающих в домохозяйстве (31% против 24% в целом по подвыборке). А вот система общего или частичного пула чаще встречается в семьях без детей до 18 лет независимо от наличия других членов домохозяйства (см. табл. 11). Безусловно, чтобы оценить чистое влияние фактора наличия детей или других членов домохозяйства, необходимо проведение многомерного статистического анализа, о чём и пойдёт речь в следующем разделе.

Таблица 11

Системы управления финансами в зависимости от социально-демографического типа семей, % по столбцу (*N* = 985)

Системы управления семейными финансами	Семейная пара без детей до 18 лет и без других взрослых в домохозяйстве	Семейная пара со взрослыми детьми, но без других членов домохозяйства	Семейная пара с детьми до 18 лет, но без других взрослых в домохозяйстве	Семейная пара без детей до 18 лет, но с другими взрослыми в домохозяйстве	Семейная пара с детьми до 18 лет и другими взрослыми в домохозяйстве	В целом по подвыборке
	N = 327	N = 162	N = 334	N = 47	N = 78	N = 48
Управление с доминированием женщины	25	29	23	23	27	25
Управление с доминированием мужчины	17	23	31	19	24	24
Общий или частичный пул	52	44	43	53	44	47
Независимое управление	6	4	3	4	5	4

Примечание. Коэффициент хи-квадрат = 20,616 (*df* = 12), *Sig*. = 0,05.

Факторы, влияющие на выбор системы управления семейными финансами

Для того чтобы выявить факторы, влияющие на выбор типа управления семейными финансами, применялся метод мультиномиальной логистической регрессии. В целях большей наполненности групп зависимая переменная (тип управления финансами в семье) использовалась в укрупнённом виде, содержащем четыре категории: (1) мужское доминирование (сюда вошли системы мужского полного управления и фиксированного бюджета, контролируемого мужчиной); (2) женское доминирование (объединившее системы женского полного управления и фиксированного бюджета, контролируемого женщиной); (3) пул (общий или частичный); (4) независимое управление. В качестве базовой категории была принята система управления бюджетом с доминированием женщины. Затруднившиеся с ответом (37 чел.) были исключены из анализа. В итоге выборочная совокупность составила 948 чел.

Исходя из ранее проведённого анализа признаков дифференциации семей по типу управления финансами, в качестве предикторов были взяты следующие переменные:

— пол респондента;
— логарифм среднедушевого дохода (логарифм использовался для того, чтобы приблизить распределение по доходу к нормальному виду);
— статус занятости супругов (четыре категории: (1) муж и жена работают; (2) муж работает, жена — нет; (3) жена работает, муж — нет; (4) муж и жена не работают);
— образование мужа (три категории: (1) неполное среднее, среднее, ПТУ; (2) среднее специальное; (3) незаконченное высшее, высшее);
— образование жены (те же три категории, что и в предыдущей переменной);
— средний возраст супругов;
— стаж совместной жизни;
— наличие того же типа управления финансами в семье родителей респондента (дихотомическая переменная);

— социально-демографический тип домохозяйства;
— число детей младше 18 лет в домохозяйстве;
— число других взрослых членов домохозяйства, к которым относились все лица, проживающие на одной территории, кроме респондента, партнёра и их детей.

Кроме того, мы предположили наличие значимого мультипликативного эффекта двух переменных: существование того же типа управления финансами в семье родителей респондента и пол респондента. Включение в модель произведения этих двух переменных позволит тестировать ещё одну гипотезу.

> *Гипотеза 9.* Влияние системы управления финансами в семье родителей на сложившуюся практику бюджетирования в семье респондента будет различаться в ответах мужчин и женщин.

С той же целью проверки наличия эффекта взаимодействия уровня среднедушевого дохода и пола респондента в модель был введён ещё один мультипликативный член, являющийся произведением этих двух переменных. Содержательно это означает допущение о том, что доход влияет по-разному на выбор типа управления финансами в семье в зависимости от того, кто отвечал на вопрос — мужчина или женщина.

Для построения регрессионной модели использовался статистический пакет *R* (*R Studio*), предоставляющий возможности для графической визуализации различных результатов мультиномиальной регрессии[23].

Итак, значимыми в модели оказались шесть переменных: на уровне $p = 0$ — уровень среднедушевого дохода (логарифм) и наличие того же типа управления финансами в семье родителей респондента; на уровне $p < 0{,}001$ — пол респондента; на уровне $p < 0{,}01$ — образование жены, семейный стаж супругов и мультипликативный член, равный произведению таких переменных, как наличие того же типа управления финансами в семье родителей респондента и пол респондента.

Посмотрим теперь на вероятности выбора системы управления семейными финансами в зависимости от этих характеристик. Для этого были построены графики, которые визуализируют эффекты влияния различных переменных, контролируя по всем другим переменным в модели[24].

При низком уровне среднедушевого дохода вероятность выбора такой практики, при которой финансами в домохозяйстве в той или иной степени управляет женщина, максимальна. По мере роста материального благосостояния возрастает вероятность выбора системы общего или частичного пула. Наибольшая вероятность приверженности семей управлению бюджетом с доминированием мужчины возникает при высоком уровне доходной обеспеченности (см. рис. 3). По сравнению с мужчинами вероятность выбора женщинами эгалитарной модели финансового менеджмента чуть выше, и значительно выше выражение убеждённости в том, что в их семье роль «министра финансов» принадлежит жене (см. рис. 4). А вариант ответа, отражающий практику, при которой главенствующая роль в семейном бюджетировании принадлежит мужу, скорее всего, выберут мужчины (с почти двукратным превышением такой же вероятности для женщин). То, что на такую ситуацию влияет стремление соответствовать гендерной норме, безусловно, хотя степень такого влияния оценить затруднительно. Вероятность выбора системы независимого управления финансами выше в наиболее обеспеченных семьях и мужчинами.

---

[23] Поскольку мультиномиальная логистическая регрессия заключается в сравнении вероятности попадания в одну из категорий зависимой переменной по сравнению с базовой, множество коэффициентов в выходных таблицах порождает сложности в представлении, восприятии и анализе результатов.

[24] Подробное описание и обоснование визуализации эффектов мультиномиальной регрессии содержится в работах Фокса и его соавторов; см.: [Fox, Andersen 2004; Fox, Hong 2009].

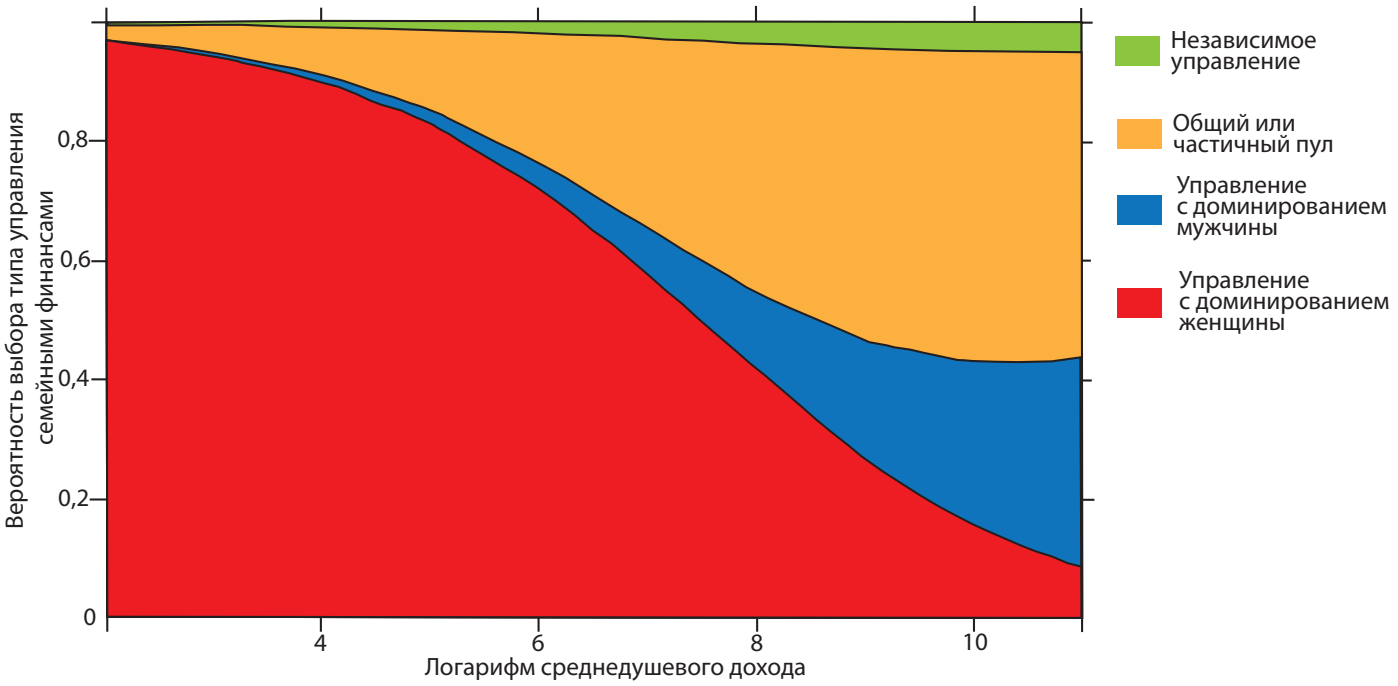

Рис. 3. Влияние среднедушевого дохода (логарифм) на выбор типа управления семейными финансами

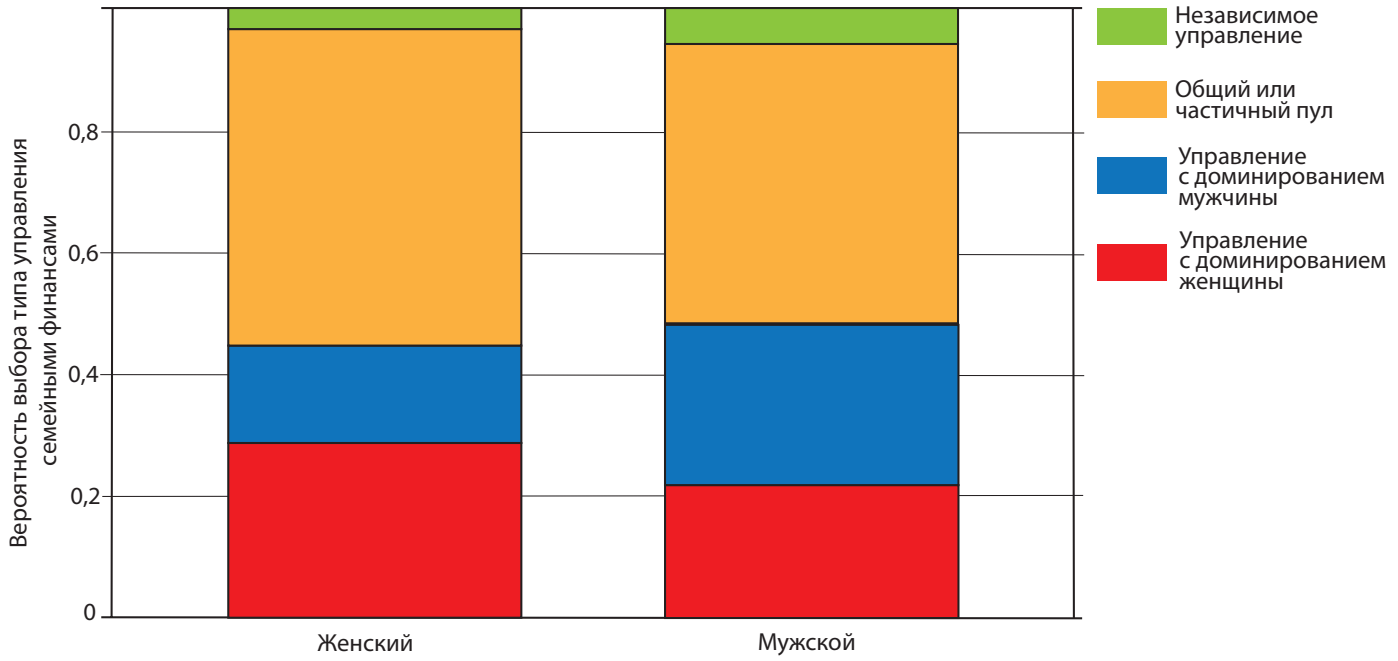

Рис. 4. Влияние пола респондента на выбор типа управления семейными финансами

Анализ совместного влияния пола и уровня дохода на выбор типа финансового менеджмента[25] показывает, что при одинаково низком уровне среднедушевого дохода вероятность выбора мужчинами модели, где заведует деньгами женщина, почти максимальна; при идентичном уровне доходной обеспеченности чуть выше среднего (логарифм равен 7–8) вероятность выбора системы общего пула мужчинами и женщинами практически одинакова, а вот вероятность характеристики сложившейся практики управления как независимой друг от друга со стороны мужчин выше. Женщины выберут такую автономную модель ведения бюджета, скорее всего, при высоком уровне среднедушевого дохода, а

[25] Несмотря на то что этот мультипликативный член статистически незначим, мы считаем целесообразным посмотреть на его эффект.

мужчины с таким уровнем семейного благосостояния с большей вероятностью, чем женщины, укажут на мужское доминирование в управлении семейными финансами (см. рис. 5).

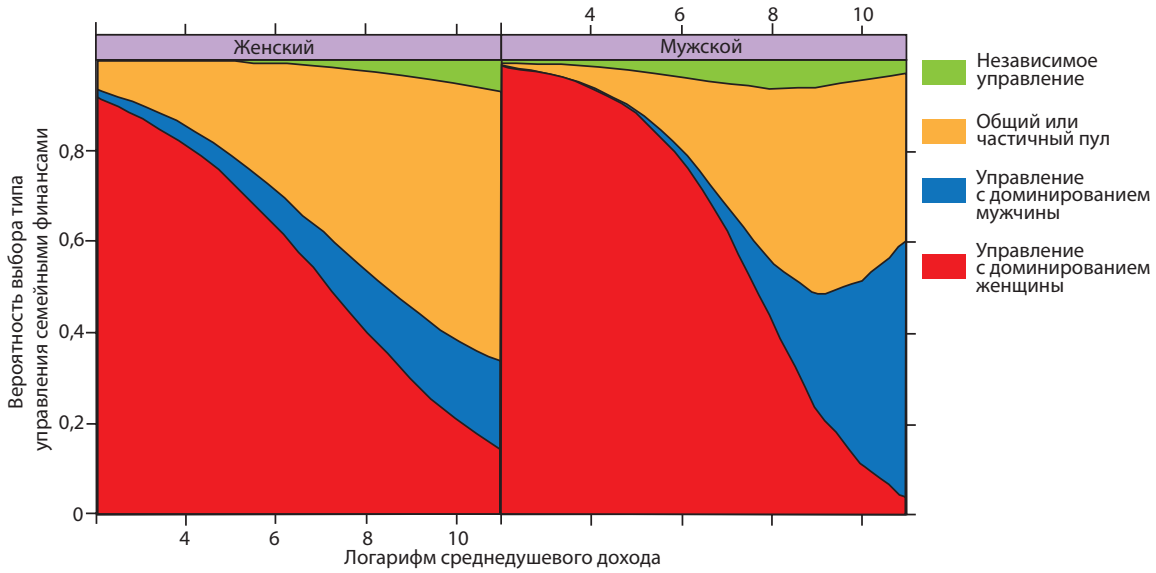

Рис. 5. Влияние эффекта взаимодействия пола респондента и уровня среднедушевого дохода на выбор типа управления семейными финансами

Для построения регрессионной модели была сконструирована дополнительная переменная, взятая в качестве предиктора: наличие того же типа управления финансами в семье родителей респондента. Распределение ответов практически равномерное: 39% утвердительных, 36% отрицательных, ещё 25% затруднились с ответом. Анализ показывает, что вероятность выбора эгалитарной модели управления семейными финансами или системы с женским доминированием выше для тех респондентов, в семьях родителей которых существовала (существует) такая же практика, а респонденты, указавшие на другую родительскую практику, с большей вероятностью характеризуют принятую в их семьях систему управления финансами как мужское доминирование (см. рис. 6).

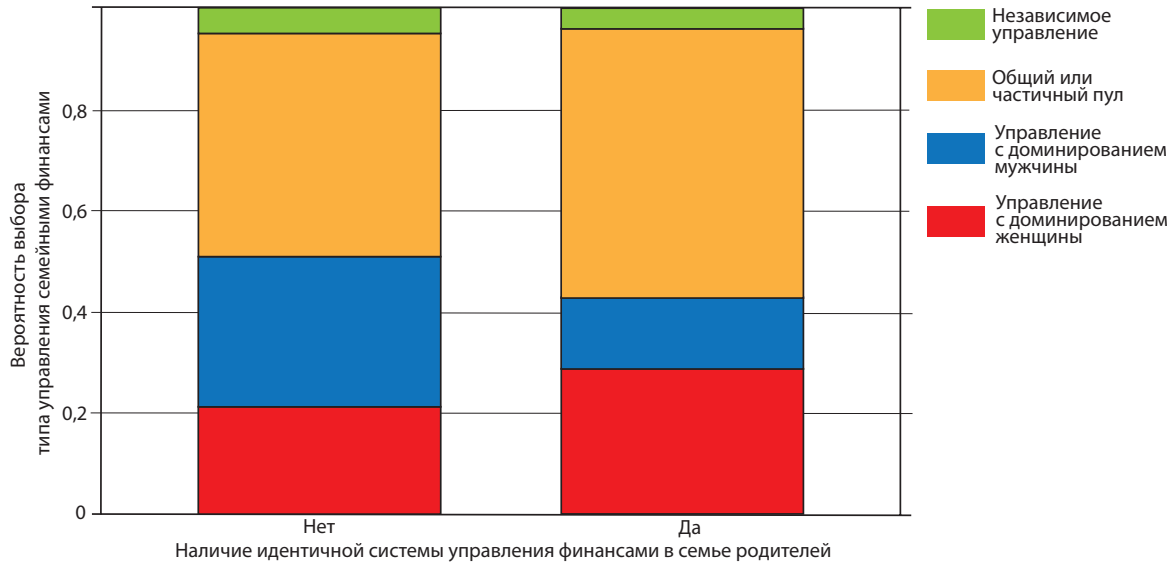

Рис. 6. Влияние наличия в семье родителей идентичного с семьёй респондента типа управления финансами

Ранее мы предположили, что влияние системы управления финансами в семье родителей на сложившуюся практику бюджетирования в семье респондента будет различаться в ответах мужчин и женщин

(*гипотеза 9*). Это предположение подтвердилось: влияние взаимодействия этих двух переменных статистически значимо.

Если восприятие родительской практики финансового менеджмента идентично практике опрашиваемых, то вероятность ответов о том, что в их семьях всеми деньгами распоряжается (в той или иной мере) женщина, либо управление осуществляется совместно, выше со стороны женщин, а ответов о мужском доминировании в управлении — со стороны мужчин (см. рис. 7). Можно сказать, что социализация и усвоение гендерных норм под влиянием примера родителей в данном случае чётко закрепляются в семье детей. Если же родительские практики управления семейными финансами в восприятии респондентов отличаются от их собственных, то со стороны женщин наблюдается более высокая по сравнению с мужчинами вероятность выбора системы с женским доминированием, а со стороны мужчин — независимой модели управления, когда каждый из супругов распоряжается деньгами самостоятельно. Вероятность же выбора систем мужского или совместного управления как женщинами, так и мужчинами в данном случае практически одинакова.

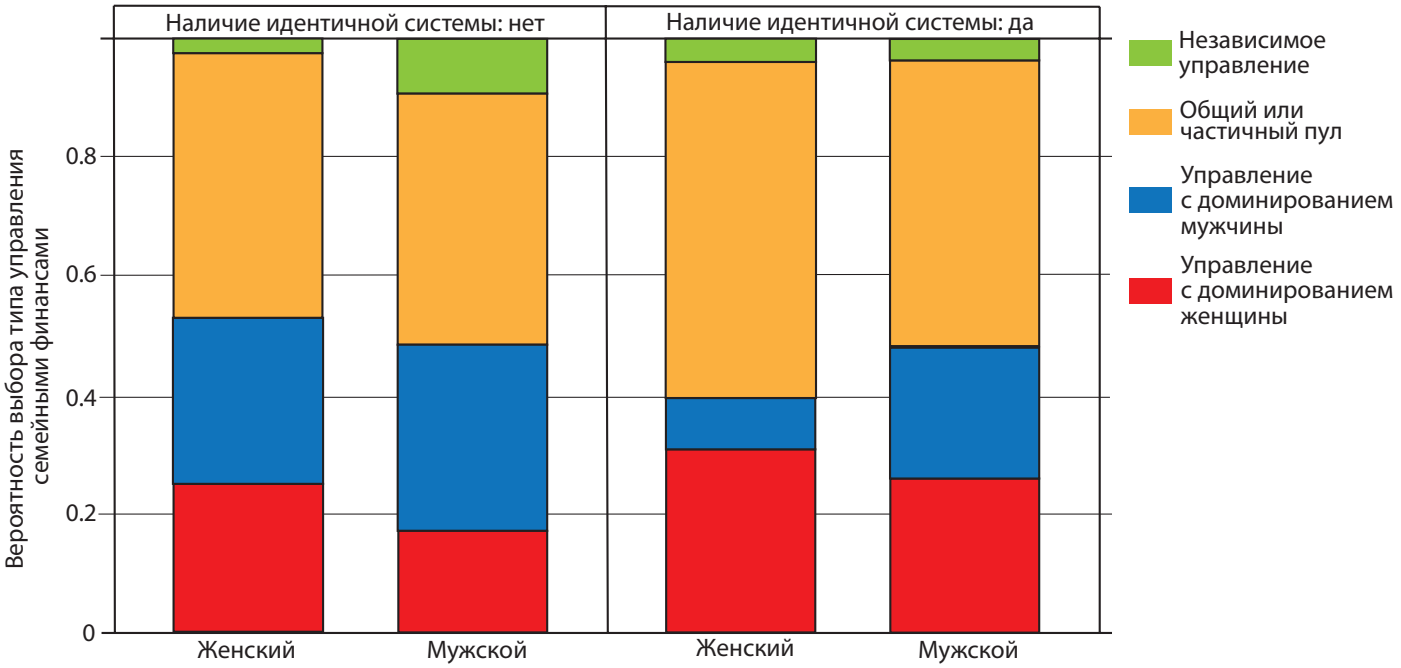

Рис. 7. Влияние эффекта взаимодействия пола респондента и наличия в семье родителей идентичного с семьёй респондента типа управления финансами

Среди значимых детерминант выбора типа управления семейными финансами фигурирует образование женщины. Как видно из рис. 8, по мере роста уровня образованности женщины вероятность того, что «казначеем» в паре является жена, снижается, а вероятность приверженности супругов системе общего пула увеличивается. Вероятность выбора модели мужского доминирования выше только в том случае, если человеческий капитал жены соответствует уровню среднего образования или ниже.

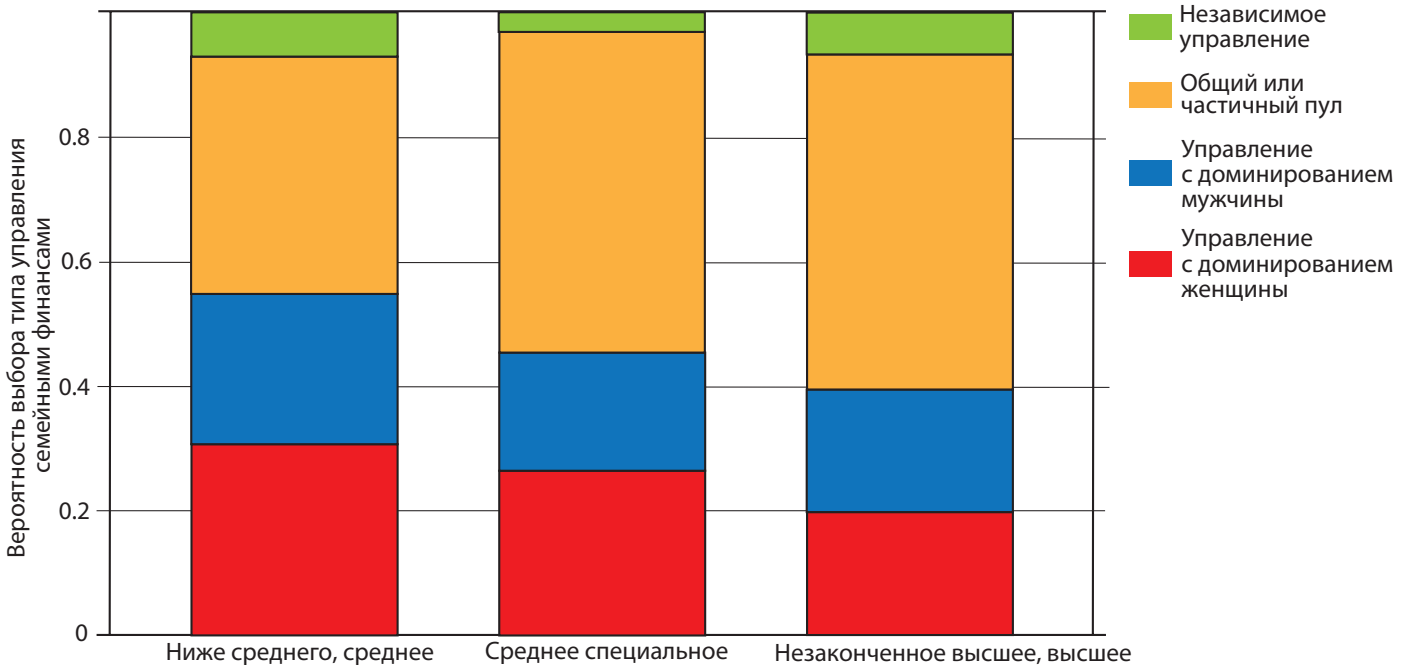

Рис. 8. Влияние уровня образования жены на выбор типа управления семейными финансами

И в завершение проанализируем значимый эффект влияния семейного стажа на выбор типа управления семейными финансами. Напомним: ранее выдвинутая нами гипотеза о том, что чем дольше супруги проживают вместе, тем больше их ориентация на эгалитарные отношения, в том числе и в сфере управления финансами (*гипотеза 6*), на таблицах сопряжённости подтверждалась лишь частично. Однако проведённая дополнительная верификация с помощью регрессионного анализа позволяет подтвердить предположение полностью. Рисунок 9 наглядно иллюстрирует, что вероятность приверженности пары системе общего пула тем выше, чем дольше супруги проживают вместе, тогда как мужское владение браздами семейного финансового управления более вероятно для молодых пар. А вот вероятность выбора женского или независимого управления практически не меняется с ростом семейного стажа, и различие заключается лишь в том, что для системы автономного финансового существования супругов эта вероятность является, в принципе, весьма незначительной.

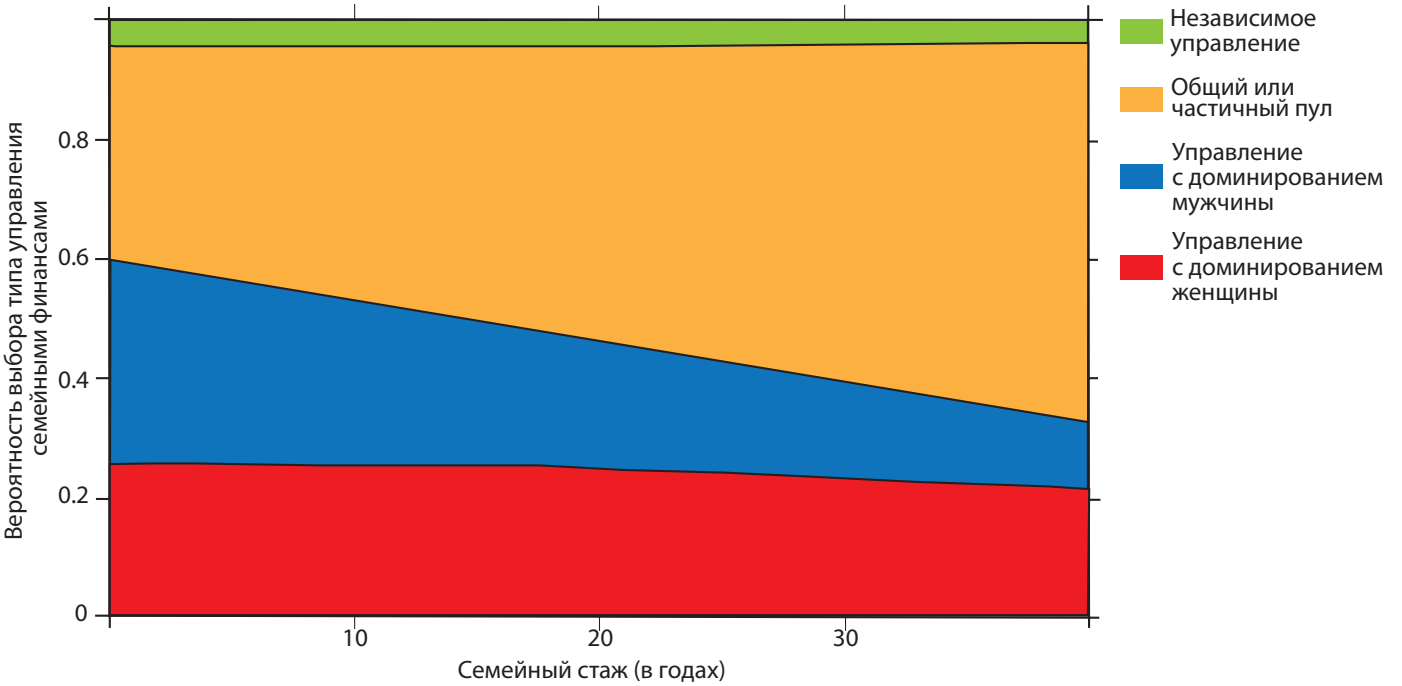

Рис. 9. Влияние семейного стажа на выбор типа управления семейными финансами

Некоторые выводы

Исследование механизмов управления финансами в российских семьях показывает, что наиболее распространённой предстаёт система общего или частичного пула, хотя совместное управление финансами не обязательно означает общее главенство супругов в семье и, вероятно, общую ответственность за распоряжение деньгами. Четверть голосов респондентов набирает модель в той или иной степени женского доминирования, ещё четверть — мужского. Независимое управление финансами, когда каждый из супругов распоряжается деньгами самостоятельно, пока предстаёт малораспространённым явлением. Вместе с тем говорить о гомогенности российских практик управления семейными финансами не представляется возможным.

Основными детерминантами выбора типа семейного финансового менеджмента являются уровень среднедушевого дохода, пол, семейный стаж супругов, образование жены и наличие того же типа управления финансами в семье родителей респондента, причём влияние последнего фактора зависит от того, кто отвечает на вопрос — мужчина или женщина.

При низком уровне среднедушевого дохода вероятность выбора такой практики, когда деньгами в домохозяйстве «заведует» женщина, максимальна. Это подтверждает вывод, полученный на британских обследованиях, о том, что модели управления семейными финансами с доминированием женщины более характерны для малообеспеченных домохозяйств. В условиях ограниченности ресурсов возможны разные стратегии выживания — от сокращения расходов, склонность к чему более проявляют женщины, до увеличения доходов (поиск более высокооплачиваемой занятости, дополнительных источников денежных средств и т. п.), чему более привержены мужчины. В случае приоритета первой стратегии именно женщины берут на себя функции управления семейными финансами.

Вероятность идентификации мужчинами сложившейся в их семьях практики управления деньгами как мужского доминирования почти в два раза выше, чем женщинами, тогда как женщины чаще мужчин выражают убеждённость в том, что в их семьях роль «министра финансов» принадлежит именно жене. Причина такой ситуации заключается в эффекте гендерных стереотипов в мнениях респондентов, которые (осознанно или нет) могут «сдвигать» свои ответы в сторону гендерной нормы (хотя вопрос о том, что понимать под гендерной нормой применительно к управлению семейным кошельком, требует отдельного изучения).

Весьма важным фактором выбора типа управления деньгами является восприятие респондентами соответствующих родительских практик. Если это восприятие идентично практике опрашиваемых, то вероятность ответов о том, что в их семьях всеми деньгами распоряжается (в той или иной мере) женщина либо управление осуществляется совместно, выше со стороны женщин, а ответов о мужском доминировании в управлении — со стороны мужчин. В данном случае можно говорить об опыте социализации и усвоении гендерных норм на примере родителей и о закреплении его в семье детей. Если же родительские практики управления семейными финансами в восприятии респондентов отличаются от их собственных, то со стороны женщин наблюдается более высокая по сравнению с мужчинами вероятность выбора системы с женским доминированием, а со стороны мужчин — независимой модели управления, когда каждый из супругов распоряжается деньгами самостоятельно.

Данные исследования подтверждают гипотезу о том, что чем дольше супруги проживают вместе, тем больше их ориентация на эгалитарные отношения в сфере управления финансами.

В выборе ответа на вопрос о том, кто распоряжается семейными доходами, значимым фактором по результатам как британских исследований, так и нашего анализа, является образование: с ростом его уровня вероятность приверженности семей системе общего пула увеличивается. Однако существенное различие заключается в том, что в Великобритании детерминирующую роль играет человеческий капитал мужчины, а в России — женщины.

Данная статья представляет собой начальный этап в изучении проблем управления финансами в российских семьях. Дальнейшие направления исследования обусловлены поиском ответов на вопросы распределения финансовой власти в семье и определения механизма принятия решений по различным аспектам, связанным с деньгами, анализом взаимосвязи между удовлетворённостью браком и типом финансового менеджмента, с изучением финансовых практик семей с различными системами управления, а также трансформации моделей распоряжения деньгами, вызванной изменениями, происходящими на рынке в сфере занятости, финансовых рынках и в брачно-семейных отношениях.

Приложение

Таблица П1

Характеристики подвыборки респондентов, отвечавших на вопросы об управлении семейными финансами

Социально-демографические характеристики респондентов	Вся выборка, $N = 1600$	Подвыборка, $N = 985$
	% по столбцу	
Пол		
мужской	45,1	50,3
женский	54,9	49,7
Возраст (лет)		
18–25	18	9,8
26–35	18,1	19,7
36–45	19,4	23,4
46–55	20,2	24,4
56–65	15,9	16,9
Старше 65	8,4	5,9
Образование		
Неполное среднее или ниже (8 классов или меньше)	4,5	3,6
Среднее общее, ПТУ	22,1	20,1
Среднее специальное	49,2	52,6
Незаконченное высшее (3 курса)	3,9	2,7
Высшее	20,3	21
Квинтильные группы по среднедушевому доходу		
1-я, наименее обеспеченная	22,2	22
2-я	18,1	18,6
3-я	21,2	21,1
4-я	19,9	20,4
5-я, наиболее обеспеченная	18,6	17,9
Тип поселения		
1 млн +	18,7	18,9
500 тыс. — 1 млн	9,5	9,5
100 тыс. — 500 тыс.	24,2	23,9
10 тыс. — 100 тыс.	39,4	39
Менее 10 тыс.	8,2	8,7

Таблица П1. Окончание

Социально-демографические характеристики респондентов	Вся выборка, $N = 1600$	Подвыборка, $N = 985$
	% по столбцу	
Федеральный округ		
Центральный	26,2	27,6
Северо-Западный	9,6	10,1
Приволжский	21,3	20,9
Южный (включая Северо-Кавказский)	16	14,7
Уральский	8,6	7,9
Сибирский	13,7	14,1
Дальневосточный	4,6	4,7
Количество членов домохозяйства		
1	14,5	0
2	29,7	34,5
3	31	35,8
4	18	21,7
5 и больше	6,9	7,9
Семейное положение		
Женат или замужем	56,7	92,2
Холост или не замужем	18,1	0
Разведён или разведена	10,8	0
Незарегистрированный или гражданский брак	4,8	7,8
Вдовец или вдова	9,6	0
Средний размер домохозяйства, чел.	2,76	3,05
Имеют детей младше 18 лет, проживающих вместе	35,6	43,5
Доля мужчин, занятых на рынке труда в настоящее время	74,4	81,8
Доля женщин, занятых на рынке труда в настоящее время	58,1	64,7

Литература

Барсукова С., Радаев В. 2000. Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье. *Мир России.* 4: 65–102.

Буравой М. 1999. К теории экономической инволюции: исследование российской эксполярной экономики. В сб.: Шанин Т. (ред.). *Неформальная экономика. Россия и мир.* М.: Логос; 61–83.

Вовк Е. 2006. Гендерная асимметрия и женские роли в современной России. *Социальная реальность.* 3: 61–73.

Здравомыслова О., Арутюнян М. 1998. *Российская семья на европейском фоне.* М.: Институт социально-экономических проблем РАН.

Зелизер В. 2004. *Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы*. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.

Ибрагимова Д. 2011. Потребительские и инфляционные ожидания населения: динамика и структура мнений. *Доклад на XII Международной конференции по проблемам развития экономики и общества.* URL: http://conf.hse.ru/2011/prog_sections

Козина И. 2000. Что определяет статус кормильца семьи? *Социологические исследования.* 11: 83–89.

Рощин С. 2003. Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте целей развития тысячелетия. *Женщина и общество* (информационный портал). URL: http://www.owl.ru/rights/undp2003/3.htm

Atkinson A., Rainwater L., Smeeding T. 1995. *Income Distribution in OECD Countries: The evidence from Luxemburg Income Study.* Paris: Organization for Economic Cooperation and Development.

Becker G. 1991. *A Treatise on the Family.* Enlarged edition. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Blood R., Wolf D. 1960. *Husbands and Wives*. New York: New York Free Press.

Blumstein P., Schwartz P. 1985. *American Couples: Money, Work, Sex.* New York: Pocket Books.

Brines J. 1994. Economic Dependency, Gender, and the Division of Labor at Home. *American Journal of Sociology*. 100 (3): 652–688.

Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. 2000. Involution and Destitution in Capitalist Russia. *Ethnography.* 1 (1): 43–65.

Burgoyne C. 1990. Money in Marriage: How Patterns of Control Both Reflect and Conceal Power. *The Sociological Review.* 38: 634–665.

Burgoyne C., Morison V. 1997. Money in Remarriage: Keeping Things Simple — And Separate. *The Sociological Review.* 45 (3): 363–395.

Clarke S. 2002. Budgetary Management in Russian Households. *Sociology.* 36 (3): 539–557.

Ferree M. 1990. Beyond Separate Spheres: Feminism and Family Research. *Journal of Marriage and Family.* 52 (4): 866–884.

Fox J., Andersen R. 2004. *Effect Displays for Multinomial and Proportional-Odds Logit Models*. The revised version of a paper read at the ASA Methodology Conference. URL: http://socserv.socsci.mcmaster.ca/jfox/Misc/polytomous-effect-displays/polytomous-effect-displays.pdf.

Fox J., Hong J. 2009. Effect Displays in R for Multinomial and Proportional-Odds Logit Models: Extensions to the effects Package. *Journal of Statistical Software.* 32 (1): 1–24.

Kan M.Y., Laurie H. 2010. Savings, Investments, Debts and Psychological Well-Being in Married and Cohabiting Couples. *ISER Working Paper Series.* 42. URL: http://www.iser.essex.ac.uk/publications/working-papers/iser/2010-42

Laurie H., Gershuny J. 2000. Couples, Work and Money. In: Berthoud R., Gershuny J. (eds). *Seven Years in the Lives of British Families*. Bristol: Policy Press; 45–72.

Morris L. 1984. Redundancy and Patterns of Household Finance. *The Sociological Review*. 32 (3): 492–523.

Pahl J. 1983. The Allocation of Money and the Structuring of Inequality Within Marriage. *The Sociological Review*. 31 (2): 237–262.

Pahl J. 1989. *Marriage and Money*. London: Palgrave Macmillan.

Pahl J. 1995. His Money, Her Money: Recent Research on Financial Organization in Marriage. *Journal of Economic Psychology.* 16: 361–376.

Pahl J. 2005. Individualization in Couple Finances: Who Pays for the Children? *Social Policy and Society.* 3 (4): 381–391.

Pahl J. 2008. Family Finances, Individualization, Spending Patterns and Access to Credit. *The Journal of Socio-Economics*. 37: 577–591.

Safilios-Rothschild C. 1970. The Study of Family Power Structure: A Review 1960–1969. *Journal of Marriage and Family.* 32 (4): 539–552.

Vogler C., Pahl J. 1993. Social and Economic Change and the Organization of Money Within Marriage. *Work, Employment and Society*. 1 (7): 71–95.

Vogler C. 1994. Money in the Household. In: Anderson M., Bechhofer F., Gershuny J. (eds). *The Social and Political Economy of the Household*. Oxford: Oxford University Press; 225–266.

Vogler C., Pahl J. 1994. Money, Power and Inequality Within Marriage. *The Sociological Review.* 2 (4): 263–288.

Vogler C. 1998. Money in the Household: Some Underlying Issues of Power. *The Sociological Review.* 4 (46): 687–713.

Vogler C. 2005. Cohabiting Couples: Rethinking Money in the Household at the Beginning of the Twenty First Century. *The Sociological Review.* 1 (53): 1–29.

Vogler C., Brockmann M., Wiggins R. 2006. Intimate Relationships and Changing Patterns of Money Management at the Beginning of the Twenty-First Century. *British Journal of Sociology.* 3 (57): 455–482.

Vogler C., Brockmann M., Wiggins R. 2008. Managing Money in New Heterosexual Forms of Intimate Relationships. *Journal of Socio-Economics*. 37: 552–576.

Vogler C., Lyonette C., Wiggins R. 2008. Money, Power and Spending Decisions in Intimate Relationships. *The Sociological Review.* 56 (1): 117–143.